

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО
ХРОНИКИ МАЙОРА
КОРСАКОВА

ТОМ 4

КНИГА
ВТОРАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОРАБОТАННОЕ АВТОРОМ

Москва, 2017

Илья Деревянко

Хроники майора Корсакова.

Том 4. Книга вторая

*Текст предоставлен правообладателем
Хроники майора Корсакова. Том 4. Книга вторая:
ISBN 978-5-6040077-5-4*

Аннотация

Капитан ФСБ Дмитрий Корсаков – настоящий профессионал. Он в совершенстве владеет рукопашным боем, холодным и огнестрельным оружием. В обычной жизни добродушный парень, в экстремальной ситуации он мгновенно становится идеальной боевой машиной, безжалостной к врагам. И врагов этих великое множество! Но Корсаков с ними не церемонится, и для каждого у него найдется свой метод борьбы...

«...Южное солнце палило нещадно. Тихо плескалась вода о камни. Далеко-далеко, на сине-зеленой глади моря виднелся крохотный белый силуэт. Со слов разговорчивой официантки в столовой я знал – это роскошная круизная яхта некоего американского миллиардера, находящаяся в нейтральных водах уже несколько дней... На закрытом пляже С-кого пансионата ФСБ было немногочленно. Кроме меня – лишь четверо отдыхающих...»

Содержание

Тени прошлого	4
Вместо пролога	5
Глава I	6
Глава II	13
Глава III	21
Глава IV	31
Глава V	39
Вместо эпилога	50
Время умирать	51
Пролог	52
Глава I	62
Глава II	72
Глава III	81
Глава IV	91
Глава V	101
Глава VI	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Илья Деревянко Хроники майора Корсакова. Том 4. Книга вторая

Тени прошлого

Все имена, фамилии современных действующих лиц, равно как и названия яхт, пансионатов и т. д., – вымышлены. Любые совпадения случайны.

Вместе с тем в тексте приводятся подлинные документы, лишь слегка отредактированные автором.

Вместо пролога

«... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».
Книга Екклесиаста. гл. 1, ст. 9–11.

Глава I

**Полковник ФСБ Корсаков Дмитрий Олегович,
1976 года рождения, трижды Герой России,
русский, беспартийный, неженатый**

Южное солнце палило нещадно. Тихо плескалась вода о камни. Далеко-далеко, на сине-зеленой глади моря виднелся крохотный белый силуэт. Со слов разговорчивой официантки в столовой я знал – это роскошная круизная яхта некоего американского миллиардера, находящаяся в нейтральных водах уже несколько дней... На закрытом пляже С-кого пансионата ФСБ было немногочленно. Кроме меня – лишь четверо отдыхающих.

Все мужчины, с усталыми лицами в возрасте от тридцати до сорока лет. Трое со следами недавно заживших ранений на бледных телах нежились на надувных матрасах и время от времени подставляли под жаркие лучи то один, то другой бок. Четвертый, полностью одетый (вот чудак-человек!), ни загорать, ни купаться не желал. Укрывшись под тентом в дальнем конце пляжа, он старательно пил пиво, доставая полные бутылки из большой черной сумки и пряча туда же опустевшие. Перехватив мой взгляд, он сделал приглашающий жест рукой. Я отрицательно покачал головой (с некоторых пор терпеть не могу алкоголь) и снова уткнулся в кни-

гу, взятую напрокат в пансионатской библиотеке. Зачитанная, потрепанная, с подклеенными страницами, она представляла собой сборник документов о разведке и контрразведке Российской империи в период русско-японской войны 1904-1905-го годов. Почему я выбрал именно ее – не знаю! Словно сама в руки прыгнула. Однако я не жалел об этом и «проглотил» сборник в первый же день (плюс ночь). А теперь перечитывал по третьему разу: смакуя каждое слово и мысленно комментируя прочитанное...

**Отношение генерал-квартирмейстера штаба Манчжурской армии генерал-майора В.И. Харкевича
начальнику Ляхейского отряда
генерал-майору В.А. Косаговскому
от 29 апреля 1904 г.**

«В среду 28 апреля выехал из Шанхай-Гуаня на Синминтин шпион Хосе Мария Гидис с письмом полковника Огородникова, а для наблюдения за ним переодетый казак. В Синминтине Гидис должен быть 28 апреля вечером. Гидис – португальский подданный, сын владельца «Шанхай Дейли Пресс», живший три года в Шанхае, бывавший часто в Манчжурии в качестве агента торговой фирмы „Мостарт Эннинг“, получил предложение быть японским шпионом... Но обратился к полковнику Огородникову с предложением служить нам... ..Приметы Гидиса: худощавый, без бороды и усов, очень моложавый, выше среднего роста,

брюнет, черные волосы как у японца, заостренное лицо, очень низкий лоб, уши торчат, наружные края бровей приподняты, пенсне, острый нос. На левой щеке у носа едва заметная родинка, длинные пальцы. *Капитан Едрихин узнал в Гидисе самозванного корреспондента американских газет: в начале февраля он был арестован в Порт-Артуре и после высылки распространял слухи о том, что русские морили его голодом. В Шанхай-Гуане подделывал телеграммы агентства Рейтер о гибели русских судов. Вследствие приказания начальника полевого штаба Наместнина благоволите выследить и арестовать этого шпиона.*

Подпись: генерал-квартирмейстер В.И. Харкевич...»

...Словесный портрет – верх совершенства! Никакой фотографии не надо! Но остальное... Господи! Крупно лопухнулись тогда наши спецслужбы! В Порт-Артуре Гидис однозначно собирал развединформацию для японцев, а его... просто выслали. Эх! Попадись он мне в руки, спустя пять минут запел бы соловьем. (Без всякой «сыворотки»!) А потом был бы повешен или расстрелян по законам военного времени. И все! Финита ля комедия. Никаких больше неприятностей от этого подонка. Однако описанные здесь события произошли за семьдесят два года до моего рождения. Прощлое же, как известно, не вернешь... Тяжко вздохнув, я поднялся с матраса, сбегал к морю и пару минут проплавал в теплой воде. Вернувшись обратно и вновь отклонил молчаливое приглашение любителя пива, я улегся на прежнее ме-

сто и продолжил чтение...

...Разговор по телеграфу генерал-квартирмейстера штаба Наместника на Дальнем Востоке генерал-майора В.Е. Флуга и генерал-квартирмейстера штаба Манчжурской армии генерал-майора В.И. Харкевича. 30 апреля 1904 г.

Генерал-майор Флуг. По поводу одного лица хочу с Вами переговорить, фамилию которого я не буду называть, но генерал догадывается, кто это такой. Это именно то лицо, которое он хотел арестовать, но я телеграфировал, что Наместник приказал не арестовывать. Так понял ли Его Превосходительство, о ком идет речь?

Харкевич. Его Превосходительство догадывается, хотя телеграмма Ваша только что получена и еще не дешифрована. Сейчас пошлю отмену приказания.

Флуг. Отмену приказания не нужно посылать, потому что это лицо уже прибыло сюда и находится под строгим надзором.

Харкевич. Имеете ли Вы дать мне какие-либо указания?

Флуг. Могу рекомендовать этого человека. Полагаю, он может быть очень полезен для разведок неприятеля при условии строгого надзора за ним. В пользу этого могу привести следующие соображения. Он заявляет, что может свободно проникнуть через японские передовые посты и доста-

вить какие угодно сведения. Полагаю, что он мог бы быть весьма полезен для того, чтобы узнать о силах японцев, высадившихся у Бицзыво. *Хоть он и двойной агент, несомненно,* но так как он находится вполне в наших руках и по отношению к нему могут быть приняты какие угодно меры наблюдения и предосторожности, вплоть до завязывания глаз, то присутствие его в нашей армии не будет опасно. Между тем он может доставить нам весьма ценные сведения. Так вот, считает ли Его Превосходительство, чтобы я отправил этого человека в его распоряжение?

Харкевич. Считаю очень полезным! Насколько мне известно, Командующий армией высказывал мнение, что при соблюдении осторожности им можно было бы с успехом воспользоваться.

Флуг. Я сам такого же мнения, но все-таки считаю необходимым спросить предварительно разрешения Наместника, что могу сделать завтра утром. После чего дам окончательный ответ. И должен предупредить, что он (Гидис) из европейских языков говорит только по-английски.

Харкевич. Будем ожидать Вашей телеграммы. И, в утвердительном случае, в котором часу его встретить?

Флуг. Это трудно определить, в котором часу я пришлю его под конвоем. Старший конвойный явится к Его Превосходительству и доложит.

Харкевич. Не имеет ли еще что сказать Его Превосходительство или спросить меня, так как я могу отлучиться на

позиции?

Флуг. Прошу отправить его в разведывательное отделение к подполковнику Люпову. Затем я прошу, чтобы для него какое-нибудь помещение было.

Харкевич. Хорошо. До свидания...

... – И в наши дни происходит то же самое! – печально вздохнул я. – Высокое начальство по-прежнему душит в зародыше логичные и разумные инициативы подчиненных. В 1904 году капитан Едрихин разоблачил опасного вражеского шпиона, а начальник полевого штаба Наместника отдал приказ о его аресте. «Внизу» и на среднем уровне сработали четко, грамотно. Но... вмешался Наместник Алексеев, вероятно возомнивший себя асом разведки – «Не трогать! Он может быть полезен!»

И англоязычного португальца (странное сочетание для тех времен!) не только оставляют на свободе, но и привлекают к активной разведдеятельности в пользу русской армии...

...В марте 1995 года наша РДГ под командованием лейтенанта Серебрякова разгромила базу известного полевого командира Алхана Бекмурзаева, а самого его взяла в плен. С начала войны прошло не так много времени, но «доблестный джигит» Алхан уже успел прославиться как один из кровавейших главарей мятежников. Его «орлы» зверски пытали русских пленных, распинали их на крестах, рвали на части бронетранспортерами, заживо отрезали головы... Означен-

ные «подвиги» они записывали на видеокамеру и подбрасывали кассеты на федеральные блокпосты. Мы тогда как паиньки сдали Бекмурзаева родному начальству, не сомневаясь – злодей получит по заслугам. И... жестоко просчитались! Кто-то из высших чинов ГРУ мудро рассудил – «Он может быть полезен в качестве агента»... (Точь-в-точь как Наместник Алексеев девяносто с лишним лет назад!)

...И вурдалака-Алхана выпустили на свободу. Уж не знаю как насчет разведданных, но урон российской армии этот «агент» нанес колоссальный! Спустя полгода после его «вербовки» количество жизней наших солдат, загубленных отрядом Бекмурзаева, перевалило за две тысячи. Число садистских видеокассет, подбрасываемых на блокпосты, увеличилось раз в пять. А к прежним способам истязаний славный Алхан добавил групповое мужеложество (до смерти) и поджаривание пацанов на медленном огне. Участвовал он и в налете Басаева на Буденовск, где также отличился варварской жестокостью... В следующий раз судьба свела нас ближе к концу войны. (Незадолго до гибели Серебрякова.) Наша РДГ вновь «накрыла» его лагерь (на сей раз в горах). И Алхан вторично попал в плен. Но теперь мы стали гораздо умнее и решили не беспокоить мудрое начальство. Бекмурзаеву свернули шею и сбросили труп в пропасть. Дескать, сам свалился, по неосторожности...

Глава II

Встряхнув головой, я отогнал воспоминания и вновь погрузился в чтение. Итак, двойной агент Хосе Мария Гидис начал работать на обе стороны одновременно. В качестве японского шпиона он мог беспрепятственно путешествовать по тылам японской армии, общаться с японскими офицерами и т. д. Информация, передаваемая им русскому командованию, представляла значительный интерес. Так, благодаря его донесению, русские крейсера в 1904 году перехватили в открытом море и пустили на дно несколько японских транспортов с солдатами и оружием. При помощи Гидиса полковнику Огородникову неоднократно удавалось знакомиться с корреспонденцией японского консула в Тяньцзине. Иногда он даже сообщал о планах японских спецслужб, в частности о готовящемся покушении на жизнь генерала А.Н. Куропаткина. Правда, японцам англоязычный португалец приносил не меньше, а то и больше пользы. Не даром же он в начале войны околачивался в Порт-Артуре. Вполне мог составить и передать противнику план крепостных укреплений. Не стоит забывать и еще один факт – по тылам русской армии «двойник» путешествовал не менее свободно, чем по японским. («Контроль» же, вроде «завязывания глаз», о котором говорил генерал Флуг, представляется просто смехотворным!!!) Неожиданно японцы разоблачили и казнили русского тайно-

го агента Детко Коллинза. Лаптев с Огородниковым всерьез подозревали, что без Гидиса здесь не обошлось. И едва Наместника Алексеева отозвали в Петербург, они поспешили избавиться от навязанного им «двойника»...

**...Из письма консула в Тянцине Н. Лаптева
русскому командованию в Мукдене,
переданное через сотрудника контрразведки И.Ф.
Персица,
негласно сопровождавшего Гидиса к месту ареста.
Тянцин, 12 декабря 1904 г.**

«Многоуважаемый Александр Николаевич!

Сегодня с г-ном Персицем пересылаю для передачи в руки наших властей португальского подданного Гидиса, бывшего моего агента, которого надлежит арестовать и держать под строгим караулом до окончания войны. Не откажите сделать все от Вас зависящее, чтобы привести в исполнение эту мою рекомендацию.

Из препровождаемого у сего, моего открытого письма к Гидису, которое прошу Вас передать последнему при его аресте, Вы изволите усмотреть, что иностранец этот виновен во многом. Во-первых, он шантажист-шпион, все время получавший от нас деньги и продававший нас японцам. Во-вторых, он под разными благовидными предложениями взял у меня около 7000 рублей, которые не передал по назначению... В-третьих, он, безусловно, стесняет свободу действий

как моих, так и полковника Огородникова, будучи посвящен в знакомства с нашими агентами, некоторых из коих он рекомендовал и эксплуатировал самым бесчестным образом, держа в страхе. Вообще, Гидис – в высшей степени зловерное нам лицо, и программа удаления его из здешних мест была давно намечена как мною, так и полковником Огородниковым. Например, он продал японцам мой секрет с пароходом, приобретенным неким Ханзава... Он будет обвинять в измене Ханзаву, но это неправда. Ханзава – преданное нам лицо, которое оказывает много помощи. Так, например, он спас этот пароход и ходит теперь свободно между Вей-хайвей-ем и Дальним. В качестве португальского консула я беру на себя всю ответственность перед португальским правительством по поводу этого ареста и заранее могу сказать, что этот мошенник никогда не осмелится объявить своей вины перед общественным судом.

Рекомендуйте держать его вдали от наших войск, *не разрешайте ему сношаться с внешним миром* кроме меня и (португальского) министра Алтейда, и вообще, учините за ним строгий надзор. Он, безусловно, попытается связаться с японцами и бежать из-под ареста...

Мои китайцы, безусловно, честные люди... и они мне заявили крайним условием, что смогут работать, только если злодей будет убран с Севера Китая. Они убеждены, что Гидис, представивший их мне, собирается выдать все предприятие японцам...

С этим португальцем работал и продолжает работать китайский подданный Ло, именующий себя Гоад, которого я также постараюсь передать нашим властям как одного из вреднейших нам субъектов... По поводу ареста Гидиса полковник Огородников сообщает отдельно генералу Флугу... В Телине живет проститутка американка Голди. Благоволите предупредить, чтобы особенно наблюдали за этой особой, так как она состоит в переписке с заведомо японскими шпионами.

Если китаец Сун действует неуспешно, известите, вышлю другого – добавочного... Извиняюсь за небрежность письма. Очень спешно.

Искренне преданный Н. Лаптев»...

... – Обедать пойдете? – вдруг услышал я хриплый баритон. Рядом стоял давешний любитель пива с туго набитой сумкой через плечо. Для черноморского пансионата (особенно в летнюю жару) он выглядел более чем странно – пропыленный камуфляж, берцовки, пистолет за поясом... Я оглянулся по сторонам. Остальные трое отдыхающих куда-то исчезли.

– В столовой, наверное, – перехватив мой взгляд, спокойно пояснил незнакомец и представился: – Подполковник Мазаев Вадим Иванович. Можно просто Вадим.

– Дмитрий, – протянул руку я.

– Сходите, поешьте, – словно не заметив ее, предложил Мазаев.

– Что-то аппетита нет, – покачал головой я. – Идите сами.

– А у меня особая диета, – хлопнул по сумке подполковник. – Пока я... Впрочем, не важно. Вы позволите? – дождавшись моего кивка, он опустился рядом на песок, извлек из сумки очередную бутылку, сорвал зубами пробку и припал губами к горлышку.

– Любите пиво? – спросил я.

– Любил... когда-то. – Лицо Вадима кисло сморщилось.

– А сейчас?

– На дух не выношу!!!

– Тогда почему пьете?

– Так надо. – В зеленых глазах моего собеседника мелькнуло странное выражение. – Есть вещи, с которыми ничего нельзя поделаться... до поры до времени. Например, сны. Вот Вас, полковник, еженощно мучают разнообразные кошмары.

– Откуда знаете? – встрепнулся я.

– Не важно. Знаю – и все тут. Но не расстраивайтесь, бывает и похуже.

– Неужели?

– Именно так! Я вот каждую ночь умираю с острым чувством отчаяния и болезненной вины за содеянное. – Зеленые глаза потемнели, уставились куда-то вдаль. – Мы летим в Хасавюрт на боевое задание, – спустя секунд двадцать глухо начал он. – Я – старший группы, но ситуацию не контролирую, поскольку дрыхну, накачавшись пивом. «Вертушка» идет как обычно, в тридцати-пятидесяти метрах от земли.

Просыпаюсь от стрельбы, но ничего понять не могу: чумной, ословелый, башка мутная. – Он с ненавистью покоился на сумку. – Уже потом выяснилось – по нам влупили с земли из крупнокалиберного пулемета, повредили хвостовое оперение. Вертолет вертится вокруг оси и постепенно садится. Вражеский пулеметчик продолжает расстреливать его, как мишень в тире. Слышу стоны, вскрики умирающих, но по-прежнему невменяем. Сижу истуканом, вцепившись в сумку с проклятым напитком... При ударе о землю меня с силой забрасывает в кабину пилота. Врезаюсь мордой в панель управления. Мозги наконец-то проясняются. Утерев кровь, оглядываюсь по сторонам. Все, в том числе пилот, мертвы. Вся группа, представляете?! В живых остался только их командир: безобразно нажравшийся пивом и проспавший смертельно-опасную ситуацию! Был бы трезв – смог бы хоть что-то предпринять. По крайней мере, попытаться, а так... – подполковник обреченно махнул рукой, утер скупую слезинку и угрюмо закончил: – «Вертушку» уже облепили «духи» со всех сторон. Гогочут, лезут вовнутрь... У меня при себе одна эта «пукалка». – Он коснулся рукой пистолета за поясом. – «Вал» и «разгрузка» остались в салоне, рядом с сумкой, набитой чертовым пивом. По счастью, вспоминаю о системе самоликвидации. Нащупываю известную Вам четырехугольную ручку, тяну ее, вертолет взрывается, и я умираю. Тело разрывает на куски взрывом, а душу – отчаянием и чувством вины за грубое, должностное преступление. –

Мазаев утер вторую слезинку.

– А что-то похожее происходило с Вами в действительности? – осторожно спросил я.

Вадим коротко кивнул.

– Но как же Вы остались в живых??!

– А Вы, вижу, историей увлекаетесь, – не ответив на вопрос, сощурился он. – Хорошая книжица. Разрешите? – Подполковник взял из моих рук известный читателю сборник. – Правда, в самих документах наблюдается изрядная путаница. Так англоязычного «португальца» именуют то Гидисом, то Гайдесом, то Годдесом. В действительности же он – Иосиф Геддес, сын влиятельного члена одной из мировых масонских лож.

– А как насчет подданства? – любопытствовал я.

– Гражданин Великобритании, союзницы Японии, – поморщился мой визави. – Историки, опираясь опять-таки на документы, приходят к выводу, что «Гидис», используя связи отца, сумел поменять гражданство, находясь в тюремной камере, откуда (невзирая на предостережение Лаптева) ему не препятствовали вести обширную переписку. В принципе логично, но это не так! Геддес-младший подданства не менял. Перед войной он получил особое задание от английских спецслужб, прикинулся португальцем для отвода глаз (здесь ему помогли масонские связи папаши). И, поверьте, принес России гораздо больше зла, чем Вы в состоянии представить! – Мазаев тяжело вздохнул и с отвращением откупо-

рил очередную бутылку.

– Откуда у Вас **такие** сведения? – воспользовавшись паузой, спросил я. – Нашлись новые документы в архиве?

– Нет, – отрицательно покачал головой Вадим. – Составитель сборника опубликовал все, что там было.

– Ничего не пойму! – опешил я. – Как же Вы тогда... Придумали, что ли?!

– Ни в коем случае, – усмехнулся зеленоглазый подполковник. – Есть записи в ином месте, без ошибок и без путаницы. В них истинная правда, ничем не искаженная.

– ?!

– Скажу более, – Мазаев поднялся на ноги, – почитайте повнимательнее те документы, что у вас в руках. Порой между строк **ТАКОЕ** всплывет!.. К примеру, о дальнейшей жизни Геддеса, спустя годы после русско-японской войны... Читайте, читайте, я не шучу! Особое внимание уделите насквозь лживой жалобе подонка в Британское министерство иностранных дел. Прощайте! – подполковник направился в сторону тента...

Глава III

Раскрыв книгу на нужной странице, я взглянул ему вслед и... ошалел. Камуфляжная фигура с сумкой бесследно исчезла. Пляж был абсолютно пуст. По-прежнему припекало солнце, тихо плескалась вода о камни. В нейтральных водах виднелся крохотный белый силуэт. Пару минут я пытался осмыслить произошедшее. «Убежал? Перепрыгнул через забор? Но зачем?! Хотя... мало ли чудаков на свете. И Вадим явно из их числа! Камуфляж, берцы, пистолет за поясом, упорное питье ненавистного пива... Не иначе – боевая психическая травма! Человек становится не то чтобы сумасшедшим, но со странностями... мягко говоря. Тем не менее в Мазаеве есть нечто притягательное, завораживающее. Как будто он... Ну да ладно, Бог с ним! Посмотрим-ка лучше, правда ли между строк открываются иногда тайны прошлого!» Придя к подобному умозаключению, я отбросил посторонние мысли и углубился в чтение...

**Извлечение из заявления Иосифа Геддеса
в Английское Министерство иностранных дел.
Перевод. Лондон. 23 декабря 1905 г.**

«Приблизительно в конце октября 1904 года генерал Огородников просил меня купить небольшой корабль... Через

несколько дней я купил. 10 декабря 1904 года генерал Огородников просил меня отправиться в Мукден, чтобы показать в Главной Квартире план купленного корабля, а также потому, что штаб собирается купить нечто, что может принести мне хорошие комиссионные. Генерал Огородников дал мне тогда русский военный паспорт и другие документы для моей безопасности...»

– Врет как сивый мерин! Знает, что копию жалобы обязательно перешлют в МИД России, – проворчал я. – Прикидывается обыкновенным, скромным коммерсантом, ни слова о шпионаже, а сам...

...Внезапно у меня перед глазами возникло отчетливое видение. По Порт-Артуру расхаживает длинный, низколобый тип с оттопыренными ушами и тайком набрасывает план крепостных укреплений.

...Потом картинка сменилась, и тот же тип (уже в другом месте) передал запечатанный конверт японскому офицеру, а взамен получил пачку денег.

– Хорошо, – улыбнулся японец (по-английски он говорил с ужасающим акцентом). – Работайте дальше, сэр. Получите еще больше!

Видение заколебалось и исчезло, сменившись печатными строками...

...«12 декабря 1904 года я выехал (на поезде) из Тяньцзина

в Мукден. На пути между Тянцином и Мукденом я познакомился с одним господином по имени доктор Персиц, который, как я потом узнал, был русским офицером, (капитаном). По прибытии я был арестован Персицем и другим офицером, причем мои бумаги были отняты и разорваны капитаном в клочки. Оба офицера приказали часовому держать меня в запертой комнате (в обществе японца, обвиняемого в шпионаже) и осмотреть мою одежду...»

Строки документа вновь пропали, и я увидел господина Геддеса, ползающего на коленях перед двумя мужчинами в штатском.

– Ваши Величества! Смилуйтесь! – по-бабьи причитал он. – Не хочу сидеть с японцем! Они же изверги, животные, человечину едят. Косоглазый злодей сперва избьет меня, потом изнасилует, потом сожрет! Умоляю, не на-а-адо!!! – тонкие, трясущиеся губы в мановение ока облизывали обувь обоим.

– Нет, но какво же ничтожество! – брезгливо произнес один из штатских. – Как думаете, Иван Федорович, может, отвести его в другую камеру?

– Гауптвахта переполнена до отказа недавно прибывшими запасниками, – хмуро ответил «второй». – Пьянство, дебоши, прочие художества... Камеры забиты до отказа. Яблоку негде упасть! И вообще – почему мы должны идти на поводу у этого слизняка?!

– Резонно, – согласился «первый» и указал Геддесу на дверь: – Милости просим, сударь! Будем надеяться – японец тебя не сразу съест. Он недавно отобедал, еврейчином-агитатором. Стало быть, поживешь еще!!!

Иван Федорович злорадно расхохотался, а Геддес издал душераздирающий, пронзительный визг. Штаны на тощем заду заметно отвисли.

– Фу! Засранец! – поспешно зажал нос «первый».

– Что происходит?! – послышался звучный, властный голос.

По коридору, заметно прихрамывая, спешил пожилой офицер. Судя по всему – начальник гауптвахты. Ему вкратце объяснили суть происходящего.

– Пусть посидит в старой кладовке, – немного поразмыслив, распорядился он. – Ее как раз освободили для ремонта. Иначе спятит со страху, а с нас командование три шкуры спустит, следствие учинит...

Коридор гауптвахты и фигуры всех четырех задрожали, покрылись трещинами, растаяли в воздухе...

...

Я вновь смотрел в раскрытый сборник.

«Прав был Мазаев! Между строк, оказывается, **СТОЛЬКО** скрыто...»

Солнце припекало сильнее и сильнее.

В очередной раз окунувшись, я повязал на голову «бандану» и продолжил чтение...

...«На третий день моего ареста пришел капитан Персиц и предложил мне подписать заявление, будто бы я продал японцам план Порт-Артура. Я ответил, что если бы подписал такое заявление, то это было бы совершенной ложью, и отказал. Услыхав это, он приказал караульным обнажить и высечь меня. Двое из караульных дали мне несколько ударов по спине, а четвертый несколько раз ударил меня ногой. В то же время капитан сказал, что пока я не подпишу документа, солдаты не перестанут меня сечь. Я ответил, что пусть меня засекут до смерти, я никогда документа не подпишу!!! Что он может расстрелять меня хоть сейчас, но бумаги я не подпишу!!!»

...В комнате с обшарпанными стенами, деревянным полом и облупившимся потолком находились двое солдат, уже знакомый мне господин Персиц и Иосиф Геддес. Последний распластался на полу, лицом вниз, со спущенными штанами и отчаянно, захлеб рыдал.

– Начинайте, – сквозь зубы распорядился контрразведчик. Один из солдат снял поясной ремень и четыре раза стегнул по дряблым, прыщавым ягодицам. Рыдания трансформировались в истошный визг недорезанной свиньи.

– И откуда берутся такие слюнтяи?! – возмутился второй солдат, в полсилы пнул Геддеса сапогом в бок. –

Мой восьмилетний сынишка по сравнению с ним герой! – солдат занес ногу для повторного пинка.

– Не надо, – остановил его Персиц. – А то лопнет от собственных воплей. Отвечай потом за него!

И действительно – шпион теперь орал так, что закладывало уши. Одновременно он дергался как припадочный и обильно мочился под себя.

– Идемте от греха подальше! – в сердцах сплюнул контрразведчик. – Ну его к лешему!!!

«Экзекуторы» вышли в коридор. Обитая жестью дверь с шумом захлопнулась...

Картинка помутнела, растаяла. Я вновь лежал на пустынном пляже с потрепанным сборником в руках. Яхта, между тем, немного приблизилась к берегу.

Сам не зная зачем, я нашарил в пляжной сумке бельгийский бинокль с двадцатикратным увеличением. «Иосиф Геддес» – красовалась на белоснежном борту огромная надпись латинскими буквами. «Померещилось. На солнце перегрелся», – решил я, отложил бинокль и вернулся к чтению...

«...По прибытии в Харбинскую тюрьму я был помещен в маленькую, холодную комнату. Через несколько часов я попросил у поручика чаю или горячей воды для питья. Он ответил, что получил определенное приказание не давать мне

ни теплого питья, ни топлива. Скоро я заболел, мои руки и ноги и тело обмерзли, распухли. Холод был ужасен! Лежать и в особенности ходить было для меня мучением. Я попросил вызвать доктора и, через несколько дней пришел доктор, сказавший, что я должен немедленно отправиться в госпиталь, но никаких мер к моему перемещению принято не было. Каждые два дня ко мне приходил новый доктор и говорил то же самое. Наконец, после визита пятого доктора меня послали – но не в госпиталь, а в уголовную тюрьму, где я был помещен один в маленькую комнату. Я прибыл в тюрьму 27 января 1905 года. Меня стерегли двое караульных и мне было воспрещено говорить, писать, петь и свистеть...»

Геддес развалился на удобной койке в одиночной палате, укрытый одеялом. Рядом на тумбочке стояли: чайник с горячей водой, коробка с заваркой, наполовину полная сахарница и лежала надъеденная булка белого хлеба. У двери, прислонившись к косяку, дремал пожилой часовой из солдат-резервистов. Возле постели «больного» стояли двое врачей в белых халатах и негромко переговаривались по-русски.

– Жалуется непрерывно, утверждает, будто у него невыносимо болят пятки. Каково ваше мнение, Николай Александрович? – спрашивал один, возрастом помоложе.

– Обыкновенный симулянт! – с досадой отвечал доктор постарше. – Я лично обследовал его и с уверенностью

заявляю – Геддес абсолютно здоров!

– Стало быть, выписываем? Сколько можно занимать место в больнице! Это при нашей-то перегруженности! Он прохлаждается тут с момента прибытия в арестный дом, то есть с 27 января. А сегодня – 18 февраля!

– Не все так просто, – вздохнул Николай Александрович. – Комендант Харбина подполковник Дунтен чрезмерно заботится об этом... Гхе, гм!.. Не хочется, знаете ли, сквернословить! На собственные деньги покупает ему чай, сахар, папиросы, книги, бумагу, письменные принадлежности... Придется испросить у коменданта разрешения!

– И привести доказательства симулянства Геддеса, – добавил врач помоложе.

– Не будем понапрасну нервировать старика, – тонко улыбнулся Николай Александрович. – Сформулируем иначе – «доказательства полного выздоровления».

Доктора покинули палату.

После их ухода Геддес принял сидячее положение, достал из тумбочки папиросу и с удовольствием закурил...

...«15 июня меня взяли из карцера и отправили вместе с сорока другими заключенными в Иркутск. В течение всего этого времени я ни разу не был опрошен, ни разу мне не сказали, за что меня посадили в тюрьму! Только перед самым

отъездом в Иркутск я получил билет, указывающий, за что я был заточен...

26 июня я прибыл в Иркутск и был помещен в Центральную уголовную тюрьму. С этого дня до 27 сентября 1905 г. (т. е. до того дня, когда, пройдя все сибирские и другие тюрьмы (всего до 15 тюрем), я прибыл в Варшаву), я подвергался тому же режиму, как все уголовные, и выполнял все работы, которые в виде наказания выполняет преступник...

...Я перенес еще больший позор – я прошел 15 городов Сибири и Европейской России с цепями на руках. По прибытии в Варшаву я послал письмо Британскому консулу... 3 ноября 1905 года я был освобожден. Прилагаю при сем доказательство того, в чем меня обвиняло русское правительство, а именно в том, будто 1) я шпион и 2) будто я продал планы Порт-Артура японцам, в чем я не повинен! Я никогда не был в Порт-Артуре или близ него. Я вел удачные дела в Тяньцзине и за убытки, причиненные арестом, требую возмещения согласно прилагаемому расчету»...

– Ну и мерзавец! – в сердцах воскликнул я. – Буквально клейма ставить негде! А наши-то, наши... Гуманничали со всякой сволочью, вот и доигрались: сперва до чертовщины семнадцатого года, потом до красного террора, до разрушения церквей по всей стране, до коллективизации, до ГУЛАГа, до ельцинского лихолетья...

Неожиданно в глазах у меня потемнело. Исчезли

пляж, море, песок. В ушах засвистел рассекаемый воздух. Спустя мгновение я понял, что с невероятной скоростью несусь по прямому, темному тоннелю...

Глава IV

Первыми ощущениями были: вязкий холод, тупая боль в груди и острая – в раздробленных пулями коленных суставах. Я лежал на сыром каменном полу в крохотной подземной камере: без окон, с железной дверью. На табуретке в углу горела толстая, сальная свеча. Когда глаза привыкли к скудному освещению, я, как мог, осмотрел себя. Изодранный в клочья жандармский мундир с погонами ротмистра... грязные, окровавленные повязки на ногах и на груди... допотопные наручники на кистях рук...

При взгляде на оковы полностью вернулась память.

«Сорвалось, – тоскливо подумал я. – Недаром говорят – историю не повернуть вспять! Моя затея оказалась безумной, обреченной на провал авантюрой!»

...После мистического происшествия на пляже я внезапно очутился в просторном, скромно обставленном кабинете. За столом, под портретом Николая II сидел широкоплечий, суроволицый господин, как две капли воды похожий на моего прапрадеда по материнской линии! Тот, как гласило семейное предание (передаваемое шепотом), служил начальником жандармского Управления П...ской губернии Российской империи.

– Здравствуйте... Евгений Петрович, – тихо сказал я.

– Дима?! Племянник?! – заслышав мой голос, потрясенно вскинулся он. – Но... но ты же погиб шесть лет назад при усмирении бунта в Г...ке!!! Тебя растерзала на части толпа беснующихся мятежников!!! А сейчас... ты жив-здоров... в том же мундире. Правда, тела тогда так и не нашли... – «дядя» умолк и размашисто перекрестился. Затем перекрестил меня.

– Не волнуйтесь, я не бес, – грустно усмехнулся я. – Лучше скажите: какой нынче год, какое число?!

– Как... как ты сумел остаться в живых, – вместо ответа прошептал Евгений Петрович и вновь перекрестился.

– Не знаю, – пожал плечами я. – И каким образом попал в Ваш кабинет, тоже понять не могу. Тем не менее я действительно живой – пощупайте пульс, убедитесь. А вот мой натальный крест, взгляните! – я поспешно расстегнул верхние пуговицы мундира.

Удостоверившись, что имеет дело с живым человеком, а не с призраком и не с инфернальной сущностью – «дядя» более-менее успокоился, усадил меня за стол и для начала угостил дорогой папиросой.

– Так какой год на дворе? – выпустив облачко дыма, вновь спросил я.

– Одна тысяча девятисот одиннадцатый от Рождества Христова, пятнадцатое июля. – Евгений Петрович позвонил в бронзовый колокольчик и попросил зашедшую в кабинет женщину приготовить «чаю на две персоны».

А у меня все похолодело внутри. «Господи Боже!!! Через полтора месяца прозвучит роковой выстрел в киевской опере и... и... Россия семимильными шагами двинется в земной ад!!!» – я с трудом удержал рвущиеся с языка слова. Не теперь! Прапрадед без того здорово ошарашен. Пусть немного придет в себя. А я тем временем получше восстанавливаю в памяти прочитанную мной научную литературу...

Через два дня, когда и сам дядя, и его домочадцы окончательно убедились в том, что перед ними не кто иной, как чудесно обретенный «племянник Дима» (хоть и несколько странный, потерявший память) – я наконец-то решился поговорить начистоту с далеким предком. Беседа происходила в кабинете последнего, после ужина, при закрытых дверях.

– Как Вам известно... дядюшка... масонские организации оказывают всяческую поддержку революционным бандформированиям и фактически руководят ими, – волнуясь начал я. – Однако борьба русской полиции против «вольных каменщиков» тормозится засоренностью МВД и других правительственных учреждений масонскими ставленниками. Среди них такие высокопоставленные чиновники, как Джунковский, Урусов, Мосолов...

– Точно! Кругом сплошное предательство! – мрачно подтвердил Евгений Петрович. – И куда страна катится?!

– Прямиком в бездну, – ответил я и, откашлявшись, продолжил: – Несмотря ни на что, наша тайная полиция в принципе готова к разгрому масонских лож в России. Нас поддер-

живает председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. В сентябре сего года (после киевских торжеств) он намерен полностью развязать нам руки и нанести по масонству сокрушительный удар. Предварительно нам придется провести большую чистку в Министерстве внутренних дел, в тайной полиции и в корпусе жандармов. Это сложно, трудоемко, но выполнимо. Беда в другом! Несколько месяцев назад Мироя Закулиса приговорила Столыпина к смерти. Убийство произойдет 1 сентября 1911 года в Киеве. Непосредственный исполнитель – некто Богров. Финансовая и техническая подготовка осуществлена все той же Мироя Закулисой... Смерть Столыпина приведет к отставке его ближайших соратников в МВД – в первую очередь Курлова.

– Товарища министра?! – задохнулся прапрадед.

– Да! – сквозь зубы подтвердил я. – Но дальше – больше! На место Столыпина будет назначен тайный масон Коковцов и курс правительства кардинально изменится. Сильно ослабевут позиции патриотических организаций, резко сократится субсидирование патриотической печати. Одновременно возродятся и активизируются разгромленные Столыпиным антирусские силы. В 1913 году товарищем министра внутренних дел станет масон Владимир Джунковский, который...

– Хватит! – прохрипел иссиня бледный Евгений Петрович. – Хватит! Я не знаю, откуда ты взялся, откуда у тебя такие сведения... Не понимаю, **КАК** ты сумел заглянуть в

будущее, но... почему-то тебе верю!!! Скажи... Дмитрий...
есть ли шанс предотвратить убийство премьера?!

– Можно попробовать, – осторожно молвил я, – но мне понадобится Ваша помощь...

...Мы проговорили с начальником жандармского Управления вплоть до рассвета и выработали план действий. На первый взгляд – почти безукоризненный! Вдаваться в детали не буду (все равно ведь сорвалось!), сообщу лишь следующее: после долгого тщательного раздумья Евгений Петрович выбрал в Киевском охранном отделении того офицера, которому полностью доверял, и по телеграфу связался с ним. Выделил мне в помощь двух жандармских урядников: убежденных монархистов, членов Союза Русского Народа. Выдал оружие и крупную сумму денег на расходы. А перед отъездом крепко обнял, перекрестил и прошептал на ухо:

– Не пропадай больше, Дима! Береги себя!..

...На вокзале в Киеве нас должен был встретить некий Дмитрий Сосин (агент тамошнего охранного отделения) и проводить к начальнику охраны Столыпина, а дальше... Дальше Сосин оказался изменником (как и тот офицер, которому наивно доверял мой предок). Он проводил нас прямиком в засаду из трех десятков эсэровских боевиков, устроенную в каком-то загородном особняке. Оба урядника погибли сразу, получив по пуле в голову. Меня же бандиты ре-

шили взять живым, за что дорого заплатились. В процессе яростной, неравной схватки я угробил штук двадцать пять этих мерзавцев (часть застрелил, остальных убил голыми руками). Обратил оставшихся в паническое бегство и тут внезапно, откуда-то из кустов захлопали меткие выстрелы. Два кусочка свинца раздробили мне коленные суставы. Третий прошил грудь навывлет. Я упал, захлебываясь кровью. Последним оставшимся в револьвере патроном прикончил иуду – Сосина (благо разумно державшегося в стороне от побоища). Получил чем-то тяжелым по голове и смутно, как сквозь вату, услышал торжествующий, басовитый голос:

– Матерый волчище попался! **ТАКОЙ** действительно был способен сорвать наши планы. Перевяжите ротмистра и отнесите в подвал. Полагаю, английский друг захочет полюбоваться на него перед отъездом!

– А дотянет? – усомнился кто-то писклявый.

Продолжения я не слышал, поскольку потерял сознание. А очнулся в той самой, описанной выше камере с сальной свечой...

...Горло спеклось от жажды, боль в груди резко усилилась... (Про ноги я уж не говорю!)... в висках застучали чугунные молоточки, а на глаза навернулись слезы. Но не от физических страданий и не от предчувствия скорой кончины!

«А ведь ничего... Ровным счетом ничего не изменилось»

за сто лет! – поразила меня неожиданная мысль. – Все вернулось на круги своя! Тупое самодовольство, недалёковидность и некомпетентность многих высокопоставленных персон... Сатанисты и предатели во властных структурах, в органах госбезопасности, в Церкви... Страстное желание Запада изничтожить Россию и Православие... В начале двадцатого века оттуда финансировали и духовно вдохновляли революционные бандформирования. В конце двадцатого и в начале двадцать первого – поддерживают мятежников на Северном Кавказе! Какой-то заколдованный круг получается... За теми событиями столетней давности последовали кровавые войны, массовые репрессии, гибель десятков миллионов русских людей. А что ожидает нас в двадцать первом веке?!

Судя по некоторым признакам...»

Мои размышления прервал лязг отодвигаемого засова. Дверь отворилась, и в камеру заглянула хлыщеватая физиономия с усиками.

– Не сдох! – удовлетворенно констатировала она. – Вот и прекрасно! Столыпина «шлепнули» – час назад, и теперь господин Геддес желает посмотреть на того, кто едва не помешал устранить это серьезнейшее препятствие на пути к свободе!

– На пути... в царство антихриста... придурок! – выдавил я.

В камеру тяжеломерно протиснулись два боевика из недо-

битых «засадников».

– Взяли под руки и вперед! – коброй прошипела «физиономия». – Особо не церемоньтесь. Не долго уж ему!..

Глава V

Грубо, постоянно ударяя ранеными ногами о ступени, меня протащили по нескольким лестницам, заволокли в комнату на втором этаже и бросили в угол. К моменту моего прибытия там находились трое и беседовали. Причем один (вероятно, «английский друг») развалился в кресле, посасывая сигару, а двое стояли у стены чуть ли не навтыжку. Тип в кресле небрежно махнул рукой, и «физиономия» с боевиками на цыпочках вышла в коридор. Присмотревшись к оставшимся в комнате, я слегка вздрогнул. «Английский друг» оказался... Иосифом Геддесом! За минувшие шесть лет его внешность почти не изменилась. Только пополнел немного, да родинка на левой щеке разрослась до безобразных размеров. У стены же стояли двойники известных в наши времена либералов: Валерии Новохлевской и Анатолия Бабайса. «Новохлевская» была одета в вульгарное, цветастое платье, а «Бабайс» – в лакейский кафтан.

– Итак, проклятый вешатель убит. Вы, мадам, присутствовали в зале Киевской оперы. Опишите его последние минуты. – Длинный палец с грязным ногтем указал на Новохлевскую. Геддес говорил по-русски вполне свободно, с небольшим акцентом.

«Быстро обучился, сукин сын! – зло подумал я. – А скорее всего, он знал наш язык и раньше, но скрывал».

– Злодей стоял у рампы, когда мужественный Богров дважды выстрелил в него, – басовито забулькала «Новохлевская». – Одна пуля попала в грудь, другая в левую руку. Столыпин пронзительно взвизгнул, заскулил – «По-мо-ги-и-те!», шлепнулся об пол как мешок с дерьмом и издох в страшных судорогах!

– Брешешь ты все... жирная потаскуха! – собрав волю в кулак, прохрипел я из своего угла. – На самом деле раненый премьер даже не пошатнулся. Он повернулся к ложе, в которой находился царь, и перекрестил ее дрожащей рукой. Потом неторопливыми движениями Столыпин положил на оркестровый барьер фуражку, перчатки и лишь тогда упал в кресло. Кроме того, он тяжело ранен, но еще не мертв!

– Врешь! Мерзавец! Подлец! Черносотенец! Жандармская морда! – по базарному завопила «Новохлевская».

– Заткнись, ушам больно, – оборвал ее Геддес и по-английски обратился к «Бабайсу»: – Ты тоже был в опере. Правду ли сказал ротмистр?!

– Правду, – неохотно сознался тот. – Валерия хотела сделать Вам приятное, но переборщила по скудоумию. Безграмотная содержательница борделя, из потомственных проституток... Чего с нее взять?

– Та-а-ак! – Низколобое лицо с оттопыренными ушами налилось кровью. – Выходит, операция провалилась! Вам, дорогие мои, придется ответить за бесполезную растрату выделенных нами финансов!

Веснушчатая физия «Бабайса» мертвенно побледнела, покрылась испариной.

– Нет, нет! Не надо репрессий! – трусливо зачастил он. – У меня есть достоверная информация от наших врачей. Раны премьера не совместимы с жизнью! Первая пуля (та, что в грудь) попала в крест святого Владимира, раздробила его и ушла в сторону от сердца. Тем не менее она пробила грудную клетку, плевру, груднобрюшную преграду и печень. Вешатель отправлен в клинику Маковского. По словам работающего там доктора Воронова (члена ложи «Северная Звезда»), Столыпин проживет три, максимум четыре дня. А уж Воронов специалист первоклассный! Он никогда не ошибается в прогнозах!

– Черт с вами, живите, – смягчился «английский друг». – Однако придется отложить мой отъезд. Я должен лично удостовериться в смерти нашего заклятого врага! Тем более последнее время загадочные вещи происходят. – Поправив пенсне на остром носу, Геддес впился изучающим взглядом в мою скромную особу. – Вот, например, этот жандармский ротмистр! Попав в засаду, он в одиночку уничтожил двадцать шесть ваших головорезов, используя не только револьвер, но и какие-то непонятные, невиданные досели приемы рукопашного боя. И благополучно бы выскользнул из ловушки, если б не меткость полковника Казначеева (того самого офицера-предателя!...)...

...Находясь в подземной камере, он словно видит на рас-

стоянии мельчайшие подробности происходящего в Киевском оперном театре... Чудеса!.. Дай-ка огоньку. – Взмах длинного пальца в сторону «Бабайса». Тот рванулся к заморскому спонсору и старательно помог ему раскурить потухшую сигару.

– **Кто ты?!** – выпустив клуб дыма, по-русски спросил меня Геддес. – Отвечай! В противном случае горько пожалеешь. Я знаю толк в пытках! Сам прошел сквозь зверские истязания в Мукденских и Харбинских застенках вашей охраны!

Я хотел послать лживого подонка куда подальше, но распухший от жажды язык отказался дальше повиноваться. Из рта вырвалось неразборчивое сипение.

– Ему не давали пить три дня, – вкрадчиво доложил «Бабайс».

– Но как же он смог рассказать о покушении на Столыпина?! – наморщил низкий лоб «английский друг». – Не понимаю!

– Вероятно, последний всплеск энергии, – заискивающе улыбнулся рыжий лакей. – Такое случается... иногда.

– Ладно. Так и быть, – грязный ноготь указал на графин с водой.

Спустя секунды шустрый «Бабайс» уже поил меня из горлышка.

– **Кто ты?!** – вновь повторил вопрос Геддес. – Маг? Чародей? Но тогда ты должен быть на нашей стороне. Слуги

Люцифера не сражаются в рядах православных фанатиков!

– А ты угадай... Хосе Мари Гидис! Он же Гайдес, он же Годдес, он же мнимый португалец, он же шпион-двойник! – криво усмехнулся я. – Кстати (так, из любопытства), японцы простили тебе те морские транспорты, потопленные русскими крейсерами по твоей наводке?!

Геддес страшно переменялся в лице и отшатнулся назад вместе с креслом. Тлеющая сигара выпала изо рта прямо на ковер. Пенсне сползло на кончик носа, а в маленьких глазках отпечатался животный ужас. «Байбайс» с «Новохлевской» пораженно уставились на иностранного спонсора.

– А в «пытках» ты действительно знаешь толк! – никем не прерываемый, продолжал я. – На гауптвахте в Мукдене тебя стегнули четыре раза ремнем по голой заднице и легонько пнули сапогом в бок. Ты тогда весь обоссался в процессе «зверского истязания». А помнишь, как ты целовал ботинки Персицу и его напарнику, чтобы не попасть в одну камеру с пленным японцем? Помнишь, как орал: «Смилуйтесь, Ваши Величества! Косоглазый злодей сперва изобьет меня, потом изнасилует, потом сожрет!» И в придачу в штаны наложил с перепугу...

– Замолчи, чудовище!!! – бешенно взревел опомнившийся Геддес, выхватил револьвер и несколько раз выстрелил мне в лицо. Голова разорвалась от дикой боли. Я вновь пронесся по темному тоннелю и... услышал человеческие голоса.

– Не иначе солнечный удар, Василий Иванович! – взволнованно говорил приятный баритон. – Когда же врач явится?! Вечно их ждать приходится: и на войне, и в пансионате... А если он умрет?!!

– Не волнуйтесь! Полковник Корсаков живуч как кошка. Это вся Контора знает, – спокойно отвечал тяжелый бас. – Тем не менее давайте-ка сделаем ему искусственное дыхание, для профилактики... Майор Соловец!

– Я!!!

– Приступайте!!!

– Отс-тавить! – прохрипел я, медленно открыл глаза и понял, что лежу на прохладной простыне, под тентом, на закрытом пляже С-кого пансионата ФСБ. Мои голова и шея были заботливо обмотаны мокрыми полотенцами. Рядом сидели на корточках трое мужчин: в плавках, со следами недавно заживших ранений на бледных телах.

– Очнулись, слава Богу! – радостно пробасил старший из них (тот самый Василий Иванович) и, приложив к моим губам флягу с холодной водой, представился: – Полковник Глянцев, а это, – он указал подбородком на товарищей, – майор Горохов и майор Соловец.

– Что... со мной... произошло? – слабым голосом спросил я.

– Вы загорали (то сидя, то лежа), иногда купались в море, но в основном читали книгу. Затем (минут пять назад)

вдруг вскрикнули и уткнулись лицом в песок. Мы заподозрили неладное, вызвали по мобильнику врачей, а Вас отнесли в тень и постарались оказать первую медицинскую помощь.

– Спасибо, – прошептал я, – но неужели прошло всего пять минут? Не может быть!!!

– Хотите еще попить?! – участливо осведомился Глянцев.

– Нет, благодарю... А скажите, полковник, где тот... четвертый...

– ??!

– В камуфляже, с сумкой пива, подполковник Мазаев.

– Что-о-о?! – лицо Василия Ивановича вдруг сильно переменялось. В голубых глазах плеснулось смятение. – Как... как Вы сказали?!!

– Подполковник Вадим Мазаев, – повторил я. – По крайней мере, так он представился, а документы я не спрашивал...

– Внешность... можете описать?!!

– Конечно. – Почувствовав себя значительно лучше, я уселся на простыне. – Рост выше среднего, широкие плечи, узкие бедра, русые волосы, прямой нос, подбородок с ямочкой, зеленые глаза. На правой скуле небольшой белый шрам...

– Когда... и сколько времени... вы общались?! – полковник побелел как полотно.

– Минут сорок, после вашего ухода в столовую. Он, в частности, рассказывал про свой еженощный сон, как подрывает

себя вместе с подбитым вертолетом.

– Господи Иисусе! – Глянцев торопливо перекрестился.

Оба его товарища казались крепко озадаченными.

– Мы ни на минуту не отлучались с пляжа, – растерянно сообщил майор Горохов.

– Можем поклясться чем угодно! – добавил майор Соловец.

В следующий миг на пляже возникли два молодых врача и два здоровенных санитаря с носилками. Меня внимательно осмотрели. Переговорили с Глянцевым, Гороховым и Соловцом. Вкололи какие-то лекарства, уложили на носилки и умчали в пансионатскую «больничку»...

* * *

Вечером, после ужина, ко мне в палату зашел полковник Глянцев.

– Как Вы себя чувствуете? – поставив на тумбочку сумку с гостинцами, вежливо спросил он.

– Прекрасно! – сладко потянулся я и предложил: – Давай перейдем на «ты». Разница в возрасте небольшая, звезды на погонах одинаковые...

– Давай, – с ходу согласился Василий, поерзал на табуретке и, пряча глаза, шепнул: – Дмитрий, ты точно уверен, что беседовал с Вадимом Мазаевым?

– Точнее некуда. – Я подавил зевок. – А в чем, собственно,

дело?

– Дело... Гм! Видишь ли... Вадим был моим лучшим другом и... и... он погиб в Чечне летом 2004 года!

– Ка-а-а-ак?! – оцепенел я.

– Да вот... именно так! Активировал «страховочный» заряд пластита... Его группа вылетела на боевое задание...

– В Хасавьурт? – уточнил я.

– Похоже, вы с ним действительно общались, – чуть слышно сказал полковник. – **ТАКИХ** подробностей ты знать не можешь. – Василий умолк, часто дыша.

– На полпути их вертолет обстреляли с земли из крупнокалиберного пулемета, – спустя секунд двадцать вновь заговорил он. – Повредили хвостовое оперение. «Вертушка» села. Вадима при ударе о землю забросило в кабину пилота. Он передал по радиации открытым текстом: – «Все погибли. Я один. В вертолет лезут «духи». Прощайте и... Простите!»... Потом прогремел взрыв, который слышали возвращавшиеся с задания ребята из спецназа ФСБ. Когда они подоспели на место происшествия, то увидели обломки вертолета и множество фрагментов человеческих тел... Разобравшись с останками, судмедэксперты подсчитали – Мазаев унес с собой в могилу не менее двадцати боевиков. Ему присвоили звание Герой России... посмертно.

– Скажи, а покойный любил пиво? – как бы невзначай поинтересовался я.

– Больше, чем следовало, – вновь вздохнул Глянцев. – Од-

нако умер героем!.. Одного не пойму – за что он просил прощения в эфире?!

Ответ вертелся у меня на языке, но я сдержался и резко сменил тему:

– Помнишь, когда мы загорали – на горизонте маячила круизная яхта под названием «Иосиф Геддес». Или мне померещилось?!

– К сожалению, нет. – На скулах полковника заиграли желваки. – Эх, жаль я не боевой пловец! Пустил бы ко дну чертову посудину! Без всякого приказа! И пусть под трибунал отдают! Дело того стоит!!!

– Ты знаешь владельца, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес я.

– Еще бы! – стиснул зубы Василий. – Натан Геддес, американский миллиардер, масон, крупнейший биржевой спекулянт, владелец концерна по производству подкожных микрочипов для людей. Один из тех, кто по сей день финансирует бандформирования на Северном Кавказе. Прибыл к нам в страну внедрять «передовые технологии», то есть чипы последнего поколения...

– Внедряет? – я старался казаться спокойным.

– Заминочка вышла. – По губам Глянцева скользнула жесткая усмешка. – В МИД России своевременно поступила информация о тесных связях Натана с бандитами в Чечне и Дагестане. Потому наши чинуши и мнутя, не решаются дать визу, благовидный предлог изыскивают. А он тем временем

болтается в нейтральных водах на яхте, названной в честь деда – легенды британских спецслужб.

– Да ну? – изобразил удивление я.

– Так, по крайней мере, утверждает сам Натан, – пожал плечами полковник. – Дескать, предок его, Иосиф Геддес, был героем английской разведки, бесстрашным «рыцарем плаща и кинжала», эдаким Джеймсом Бондом столетней давности и...

Далеко в море вдруг прогремел мощный взрыв. Не сговариваясь, мы бросились к окну и по очереди посмотрели в мой бинокль. Охваченная пламенем круизная яхта «Иосиф Геддес» стремительно шла ко дну. Мы с Василием быстро перглянулись.

– Не успеют спасатели, – заметил он. – Да и вряд ли там кто-то в живых остался. Рвануло на славу!

«Это Бог покарал негодяя! – убежденно подумал я. – А значит... значит, у России все-таки есть надежда!!!»...

Вместо эпилога

Молитва святого Иоанна Кронштадтского

«Господи, Ты видишь хитрость врагов Православной веры и Церкви Твоей и их рвение одолеть ея: положи им конец, да умрет с этими людьми все лукавое дело их».

Молитвослов православного патриота. М., 2004, с. 197

Время умирать

Все имена, фамилии, отчества действующих лиц, равно как и названия шоссе, городов, поселков и т. д., – вымышлены. Любые совпадения случайны.

Пролог

Платиновый город

28 июня 2008 года. Вечер

– Как Вы сюда попали? – оторвавшись от компьютера, спросила двенадцатилетняя Юля.

– Дверь оказалась не заперта, – зыркнул по сторонам незваный гость, к чему-то прислушался и удовлетворенно проворчал. – А у горничной выходной... вечный. Нам никто не помешает!

– Нам?! – опешила девочка! – А разве Вы...

– Молча-а-а-ать!!! – голос «дяди» вдруг трансформировался в собачий рык. Одновременно он достал из-за спины окровавленный туристический топорик с налипшими на лезвии прядями седоватых волос. – Иди сюда-а-а-а, маленькая шлюха! Иди-и-и-и! Живо!!!

Поднявшись на ноги, девочка заторможенно, как сомнамбула, двинулась к нему.

– Бли-и-и-же! Еще ближе! – В «дядиных» глазах мелькали красноватые отблески. Губы ощерились, обнажив ровные керамические зубы. На лбу поблескивали капли пота. – Шевели ногами! Вот та-а-а-ак!!! – Крепкие руки в резиновых перчатках вцепились Юле в горло. Девочка задохнулась, захрипела и лишилась чувств (не столько от удушья, сколько

от ужаса).

Очнулась она раздетая догола, крепко связанная, с заклеенным скотчем ртом. «Дядя» (без штанов и без трусов) деловито вынимал из черного дипломата: нож, плоскогубцы, щипцы, презервативы, баночку с вазелином... В уголках его рта пенилась грязноватая слюна...

«Страшный сон! – дрожа в ознобе, подумала Юля. – Или... глюки! От компьютерных игр-страшилок башню снесло! В действительности со **мною** не может произойти **ТАКОЕ!!!**»

Тем временем незванный гость завершил приготовления, торжествующе взрыкивая, навалился на ребенка и... начался кошмар!!! К сожалению, вполне реальный...

Выдержки из «бумаги», спущенной директору ФСБ с Самого Верха.

Цитируется дословно. – Авт.

«...Серия чудовищных убийств (мальчиков и девочек), совершенных в элитном коттеджном поселке «Платиновый город» с марта по начало июля сего года, вызывает самую серьезную озабоченность руководства страны... Учитывая общественный статус проживающих там людей, преступника необходимо обезвредить в кратчайшие сроки и без какой-либо огласки... Работа особой следственной бригады

ГУВД РФ чересчур затянулась и до сих пор не принесла результатов... Аналитический отдел Администрации Президента России с большой долей вероятности допускает возможность того, что под видом сексуального маньяка в «Платиновом городе» действует специально подобранный и подготовленный агент иностранных спецслужб, имеющий целью посеять панику в определенной части российской элиты и спровоцировать у нее (у элиты) острое недовольство нашими правоохранительными органами в частности и правящей верхушкой в целом, чтобы... (далее – подробные объяснения **зачем.** – Авт.)... В связи с вышеизложенным предлагаем Вам провести секретное расследование силами лучших оперативников ФСБ и как можно скорее вычислить и арестовать эту нелюдь... Особая следственная бригада ГУВД РФ будет продолжать свою деятельность в прежнем порядке, но в контакт с ней (с бригадой) Вашим сотрудникам вступать запрещено. Им следует... (длинный перечень указаний, наставлений и рекомендаций. – Авт.)...

Из личной беседы генерал-майора ФСБ Рябова В.А. и генерал-лейтенанта ФСБ Нелюбина Б.И.

– Как Вам версия насчет агента-маньяка? По-моему, абсолютный бред! – Рябов отхлебнул остывшего чая, хотел было закурить, но передумал и вставил сигарету обратно в пачку.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Нелюбин. – Они

там на Западе совершенно спятили! Создают «скульптурные экспозиции» из препарированных трупов людей и называют сие непотребство «свободой самовыражения продвинутых художников». Душатся в очередях в публичные дома с кунсткамерными уродками и уродцами. В открытую поговаривают о признании «прав» некрофилов, скотоложцев и тому подобных выроdkов. Практически не таясь пропагандируют педофилию... Так что с них станется!

– Действительно! Я как-то упустил из вида. – Владимир Анатольевич поставил на стол опустевшую чашку. Поколебавшись, все-таки достал сигарету и щелкнул металлической зажигалкой. К потолку потянулись призрачные, сизоватые кольца дыма.

Некоторое время оба генерала молчали.

– Так или иначе, вернемся к делу, – затвердел лицом Нелюбин. – Сверху давят со сроками поимки этой твари и требуют **лучших** оперативников. Придется подчиниться. Корсаков сейчас не слишком загружен?

– Как обычно, – пожал плечами начальник «...» Управления. – Воз и маленькая тележка! Но если надо – пусть отправляется. Ничего экстраординарного у нас пока нет.

– Слава Богу! – облегченно вздохнул Нелюбин! – А я, со своей стороны, подключу для нашей совместной операции полковника Середу́.

– Того самого?! – удивился Рябов. – Но разве он...

– Нет! – улыбнулся Борис Иванович. – Слухи о смерти

Игоря оказались сильно преувеличены. Их группа в Чечне и впрямь погибла почти полностью. Из четырнадцати человек выжили только двое. Майор Громов получил пулю в живот, лежит в госпитале. А Середа отделался легкой контузией и на днях вернулся в строй без каких-либо ограничений. Путаница же произошла из-за ошибки в рапорте начальника дежурного отдела по ОГВС. Неправильно понял телефонограмму.

– Небось нажрался, паразит? – хмуро спросил Рябов.

Нелюбин утвердительно кивнул. В воздухе вновь повисла напряженная пауза.

– Как будем производить внедрение? – нарушил тишину Борис Иванович. – Ведь, как я понимаю, Корсаков с Середой должны жить в «Платиновом городе» постоянно, не привлекая к себе внимания. Давайте устроим их туда на работу. Допустим, сторожами, садовниками, дворниками...

– Плохая идея, – поморщился начальник «...» Управления. – Большинство тамошних аборигенов погрязли в спеси и прислугу за людей не считают. На их вопросы просто не станут отвечать... в лучшем случае! К тому же ни Игорь, ни Дмитрий не выдержат долго вельможного хамства. Последствия же... Гм!.. Представить несложно!

– Однако они могут общаться с другой прислугой, черпать у нее необходимую информацию, – не сдавался Нелюбин.

– Вы не знаете порядки в «Платиновом городе», – грустно усмехнулся Рябов. – Прислуга там зашуганная, забитая,

большей частью из гастарбайтеров. Опасаясь потерять место, в дела хозяев соваться не рискует. Более того – этим современным рабам разрешено покидать пределы усадеб лишь в исключительных случаях, по особому разрешению. О какой «информации» Вы говорите!

– Неужели все так скверно?! – генерал-лейтенант нервно закурил крепкую сигарету.

– К счастью, не совсем, – по губам его собеседника скользнула тень улыбки. – Есть у меня в тех краях один стукачок. Некто Гóмоллов Сергей Вадимович. В прошлом неплохой художник, а ныне – спекулянт антиквариатом. В январе 2008-го он попался на перепродаже украденной из церкви иконы и в итоге сел на прочный крючок. Теперь стучит как дятел на коллег по бизнесу и, разумеется, согласится поселить наших сотрудников в своем особняке под видом дальних родственников. Благо дом уже месяц пустует. Жена после дикого скандала сбежала в неизвестном направлении, прихватив с собой сына и крупную сумму наличными. Правда, живет он не в самом «Платиновом городе», а неподалеку – в поселке Халявниково.

– Да уж, хорошенькое «внедрение», – рассерженно фыркнул Нелюбин. – И зачем, спрашивается, нам сдался этот... Гóмосов?

– Гóмоллов, – вежливо поправил Владимир Анатольевич.

– Ну да, Гб...моллов. Какой с него прок?!

– У него масса знакомых в «Платиновом городе», – спо-

койно пояснил начальник «...» Управления. – Он ездит туда практически каждый день. Либо что-то перепродает, либо консультирует тамошних снобов. Среди них, в настоящее время, наблюдается повальное увлечение антиквариатом, а Гóмоллов слывет хорошим специалистом в данной области. Его услугами охотно пользуются, часто оставляют ночевать... Кстати, машину он водит безобразно, и молодой родственник за рулем не вызовет подозрений.

– Ну-у-у, тогда другое дело! – просветлел Борис Иванович. – Сегодня же проконсультируем ребят, ознакомим их с заключением наших экспертов по личности маньяка, с материалами, собранными ГУВД. Дадим почитать досье Гомб-сова... то есть Гóмоллова... Интересно, почему я постоянно путаю «л» с «с» и ударение неправильно ставлю? Неужто из ума выжил?

– Ни в коем случае, – криво усмехнулся Рябов. – Скорее наоборот! Видите ли, Борис Иванович, Вы (уж не знаю каким образом) угадали **настоящую** фамилию «дражайшего» Сергея Вадимовича.

– ?!!

– Да-да! Фамилия его папаша, мелкого партийного чиновника, была изначально Го-мó-сов! А буковку в паспорте и ударение он изменил из понятных соображений. В советские времена даже намек на педерастию не приветствовался...

– Занятно, занятно, – протянул генерал Нелюбин и о чем-то глубоко задумался...

Выдержки из заключения консилиума фээсбэш-ных медиков и психоаналитиков о личности маньяка, составленного на основании материалов, собранных особой оперативно-следственной бригадой ГУВД РФ.

Стилистика полностью сохранена. – Авт.

«...На трупах всех восьми жертв присутствуют одни и те же характерные признаки: у мальчиков ампутированы половые члены с мошонками, а у девочек вырваны щипцами молочные железы и ножом прорезаны влагалища до анального отверстия. Это свидетельствует о том, что особое внимание убийца уделяет половым органам и тем частям тела, которые имеют отношение к сексуальной жизни. Подобные действия можно объяснить следующим образом: преступник уничтожает те части тела, которые причиняют ему наибольшие страдания. Но, разумеется, эти части функционируют в его психике на символическом уровне. Ампутация, например, половых членов и яичек у мальчиков может интерпретироваться как символическое наказание своего члена за сниженную потенцию, а вырывание молочных желез и прорезание влагалищ у девочек как наказание тех женщин, которые в свое время не выражали восторга его (убийцы) «мужскими достоинствами»... Все жертвы изнасилованы извращенным способом уже после смерти, предваренной

жестокими пытками, как то... (подробное описание. – Авт.) Это свидетельствует о том, что выраженная эрекция наступает у убийцы только в процессе истязаний и при виде крови ребенка, а достигает своего апогея в момент агонии жертвы... Ни на одном из трупов не обнаружено следов спермы убийцы, что свидетельствует об использовании им презервативов... Все дети сперва придушены, затем раздеты догола и связаны, то есть лишены возможности сопротивляться. На каждом трупе убийца оставляет свой «автограф» – длинный ряд ровных продольных разрезов на лбу, внешне (как две капли воды) напоминающих штрихкод... Целый ряд факторов, таких как... (подробное описание. – Авт.), указывает на то, что убийца хоть и склонен к шизофрении, но вменяем и полностью отдает себе отчет в совершаемых им действиях. Кроме того, он хитер, изобретателен, осторожен, внешне не вызывает ни у кого подозрений, легко втирается к людям в доверие, хорошо знаком с родителями жертв, является частым гостем в их домах и, скорее всего, постоянно проживает в «Платиновом городе»...

...Убийца физически силен, весит около ста килограммов, в прошлом, возможно, занимался борьбой... Образование высшее или незаконченное высшее, интеллект средний. По характеру самонадеян, самовлюблен, горделив, тщеславен, крайне злопамятен и в глубине души отъявленный трус...

...Имеет личный автотранспорт повышенной проходимо-

сти и с большим багажником... (Еще ряд незначительных
подробностей. – Авт.)

Глава I

Полковник ФСБ Корсаков Дмитрий Олегович, 1976 года рождения, трижды Герой России, русский, беспартийный, неженатый.

Я находился в бескрайнем сыром подzemелье, тускло освещенном то там, то здесь черными свечами в заляпаных стеарином подсвечниках. Под ногами противно хлюпала несвернувшаяся кровь. В воздухе пахло едким пóтом и какой-то тухлятиной. Я был одет в спецназовский камуфляж и берцовки. А из орудия имел при себе нож в правой руке и ПСС в левой. Окружающая сырость свободно проникала сквозь плотную ткань и обволакивала тело могильным холодом. Однако я не обращал внимания на подобную мелочь. Где-то поблизости притаилось чудовище в человеческом обличье, которое я хотел уничтожить как можно скорее.

Кстати, я откуда-то знал, что вышеупомянутые запахи исходят именно от него, от чудовища. Вот только где оно?.. Где?!!

Неподалеку, в полутора метрах от пола, вдруг появились призрачные, искаженные страданием детские лица.

– Дяденька офицер! Поймите его! Он сделал нам так больно!!! – жалобно застонало в ушах. – Он рядом с Вами! Остановите его!!!

– Тише, пожалуйста, – шепнул я. – Не отвлекайте!

Голоса тут же умолкли.

Гнусные «ароматы» резко усилились. За спиной (в шаге от меня) послышался легкий шорох. Молниеносно развернувшись, я полоснул ножом, но... острое как бритва лезвие пропороло пустоту.

– Хе-хе, – гадко хихикнуло за спиной.

– На! – врезал я пяткой назад.

– Хе-хе-хе, – захихикало где-то сбоку.

П-ф-ф... П-ф-ф... П-ф-ф! – Выпустил я туда три пули подряд.

– Хе-хе-хе! – прозвучало над головой, и по макушке тяжело ударил сгусток окаменевшей крови.

Я скрипнул зубами с досады.

– Вы не там ищите, дяденька офицер! – вновь заплакали призраки растерзанных детей. – Он...

Мощный раскат грома заглушил продолжение. В подземелье заметались шаровые молнии. Под ногами разверзся пол.

– Господи, помоги! – проваливаясь в зловонную бездну, успел взмолиться я и... проснулся.

За незашторенным окном брезжил мутный рассвет. Я лежал на кровати резного дерева в просторной, со вкусом обставленной комнате для гостей. У противоположной стены на широком диване беспокойно ворочался во сне полковник Середá. Вообще-то гостевых комнат в доме было три. Но примерно с месяц назад Гомолов затеял в особняке ремонт,

который проводили три молдаванина под присмотром узбека Бахтияра – постоянного слуги Сергея Вадимовича. Гастарбайтеры жили на чердаке и, невзирая на надсмотрщика, работали вяло, с прохладцей. В результате – большая часть дома оставалась нежилой. Судя по всему, надолго...

Вчера вечером Гомолов встретил нас в воняющем краской холле на первом этаже. Коротконогий, грузный, с вывернутыми губами – он весь лучился угодливым гостеприимством и чуть ли не пританцовывал на месте.

– Милости прошу в мою скромную обитель! – бархатисто пропел Сергей Вадимович. – Очень рад оказанному мне доверию и прошу прощения за бардак. – Короткопалая, мохнатая рука указала на заляпанные побелкой стены.

– Филонят работяги?! – усмехнулся я.

– Вы невероятно... потрясающе правы! – оживился Гомолов. – Пользуются, негодяи, моей душевной мягкостью... Увы, увы! И так всегда! Постоянно делаю людям добро, а они мне дерьмом отплачивают. Вот, например... – Тут антиквар пустился в пространные рассуждения на тему: он, дескать, «белый и пушистый», а вокруг сплошные подлецы и твари неблагодарные. Сергей Вадимович сильно разгорячился: брызгал слюной, размахивал руками...

Случайно взглянув на Середу, я отметил откровенную ненависть, промелькнувшую в глазах полковника. И немало удивился: «Ненавидеть?! Этого ничтожного стукачишку?! За что?! За его самовлюбленность, подленький харак-

тер и грязный язык?! Да подобных типов в наше время пруд пруди! Презирать – понятно, но ненависть слишком сильное чувство для столь жалких тварей! Сердца на всех не хватит!!!» Лично мне Сергей Вадимович показался хоть и противным, но довольно безвредным существом. Чем-то вроде вздорной собачонки, облаивающей прохожих из-за высокого забора...

– Хватит трендеть, чмо! – примерно на четвертой минуте общения грубо прервал его Игорь. – Покажи нам какое-нибудь жилое помещение с двумя кроватями и санузлом. Доставь туда новое, неиспользованное белье и электроплитку. Готовить себе будем сами!

– Конечно, конечно, – покорно кивнул Сергей Вадимович. – Бахтияр... э-э-э... проводи дорогих гостей и распорядись там...

Узбек отвел нас в известную читателю комнату, ненадолго отлучился и вскоре вернулся с молдаванами, притащившими: диван, набитый продуктами холодильник, кастрюли, сковородки, чайник, кофейник и обеденный сервиз на две персоны.

– Ванная и туалет за портьерой, – с восточной сладостью улыбнулся он. – Может, господа желают...

– Пшел! – рыкнул Середа, и Бахтияр мгновенно исчез.

– Хозяин со слугой не по душе пришлились? – лениво осведомился я.

– Не то слово, – проворчал полковник. – С удовольствием

порвал бы их на куски!

– Но откуда столько эмоций?!

– Пока объяснить не могу, – сознался он. – Чувствую лишь... Впрочем, неважно. Попьем лучше чаю перед сном.

Игорь сходил в ванную, наполнил водой чайник, поставил его на электроплитку, присел на стул и закурил сигарету. Тридцатичетырехлетний, широкоплечий, круглолицый, зеленоглазый, он внешне чем-то напоминал покойного Вадима Мазаева, но в отличие от последнего алкоголем не злоупотреблял. С Середой я был знаком уже полтора года, но в совместных операциях мы раньше участия не принимали.

В нелюбинском ведомстве Игорь пользовался репутацией хорошего психолога и аналитика, в совершенстве владел боевым самбо, холодным и огнестрельным оружием, взрывотехникой, а также являлся высококлассным специалистом в области компьютерных технологий. Кроме того, он отличался хладнокровием, бесстрашием и умением быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях. Борис Иванович высоко ценил его способности и регулярно поручал Серёде особо сложные задания... (Какие именно, я не знаю. У нас не принято распространяться о подобных вещах)...

Так или иначе, Игорь с ними блестяще справлялся, о чем свидетельствовали две звезды Героя России, множество боевых орденов и стремительный карьерный рост. (Полковничье звание Серёда получил в 2004-м, на два года раньше, чем ваш покорный слуга.) Зато личная жизнь у Игоря не сложи-

лась... Весной 2007-го он развелся с женой-ведьмой и в настоящее время воспитывал один двенадцатилетнего сына...

– Как Андрюша? – сменил я тему разговора.

– Растет. – Мой напарник задумчиво глядел куда-то вдаль.

В зеленых глазах вспыхивали золотистые искры.

– А твои родители помогают? – не отставал я.

– Разумеется! – Встряхнув головой, Середа «вернулся на землю». – Бабушка с успехом заменила ему родную мать, дед тоже старается, пока я по командировкам мотаюсь... Этим летом отправил сына в православный военно-спортивный лагерь. Держится молодцом, на трудности не жалуется... В общем – нормально!.. Кстати, чайник закипел. Будешь?

– Гхе... гм, – замялся я.

– У меня тоже со сном проблемы, – понимающе улыбнулся Игорь. – Без снотворного не ложусь. Но мы заварим не черный, а особый, успокаивающий...

– Другое дело, – облегченно вздохнул я.

Напившись душистого травяного чая, мы сполоснули чашки в умывальнике. По очереди приняли душ, коротко обсудили план действий на завтра, выкурили еще по сигарете и улеглись спать. Дальнейшее читателю известно...

...Поворочавшись в постели, я понял – заснуть по новой не удастся, но вставать поленился. И от нечего делать стал мысленно перелистывать досье Гомолова: «...родился в 1958 году в городе «...» Н-ской области. Отец, Гóмоллов Вадим Авдеевич (он же Гомóсов), – секретарь парткома на

крупном предприятии по производству сельскохозяйственных удобрений. Мать, Гомолова Эмма Артуровна (урожденная Манукян), – домохозяйка... С юных лет проявлял незаурядные способности к живописи, обучался в различных изостудиях... Сразу после средней школы поступил в Н-ский университет (при помощи отцовских покровителей)...

...Потом работал на радио... Одновременно много и успешно играл на бегах...

...В 1983 году (при поддержке тех же покровителей) стал членом Союза художников СССР...

...С началом перестройки принялся активно спекулировать антиквариатом. В первую очередь иконами и церковной утварью. Быстро разбогател...

...Всегда комплексовал по поводу собственного происхождения, так как предки его по отцовской линии представляли собой целую династию золотарей. В связи с этим он подкупил одного из сотрудников ЦГАДА, который состряпал ему фальшивую дворянскую родословную, дескать, «Род сей ведет начало от опричника Гомольи, отличившегося воинской доблестью»... Армянское происхождение матери почему-то тщательно скрывает и утверждает, будто Эмма Артуровна – потомственная русская интеллигентка с немецкой примесью. (На самом же деле ее предки пасли овец.) Крайне невоздержан в еде, в питье и в других плотских удовольствиях. Неоднократно заявлял, что «гению» (каковым несомненно себя считает) «дозволено все!»... Любит порассуждать о

высоких материях и с жаром поспорить на любую сложную тему, хотя образован поверхностно. Начитанностью и эрудированностью не отличается... В университете с трудом «тянул» на тройки и не был отчислен за неуспеваемость лишь благодаря вышеуказанной протекции...

...Постоянно навязывается к знакомым с мелкими подарками и услугами, за которые потом неустанно попрекает. (Если перед ним не лебезят и не величают «благодетелем».) Причем людей небогатых (или, по его мнению, неопасных) попрекает в глаза, а прочих – заочно и без лишних свидетелей... Склонен к вспышкам бешенства по пустякам, но только с теми, кого не боится. Возможно, это и послужило причиной бегства жены «Ляли» (по паспорту Ольги Гомоловой)... В глубине души отъявленный трус. В процессе вербовки рыдал как женщина и несколько раз обмочился. Ползал на коленях перед вербовщиком, целовал ему ботинки и умолял: «Не погубите!!!» Обладает непомерной гордыней и буйной фантазией. Чрезвычайно кичится своей поддельной родословной и, похоже, уже сам считает ее настоящей...

...Законченный лицемер. Перед теми, кого опасается (по каким-либо причинам), способен притвориться милейшим человеком. Но при первой же возможности подстроит им крупную пакость...

...Как художник достаточно одарен. Но, к сожалению, «зарыл талант в землю» в погоне за наживой... Последние известные работы С.В. Гомолова (двенадцать акварелей, по-

священных временам года) созданы им в 2000 году. Работы хорошие, оригинальные, написаны в манере экспрессионизма, однако (по заключению экспертов) они же свидетельствуют о том, что автор страдает легкой формой шизофрении...»

– Давно не спишь? – послышался хриплый спросонья голос Игоря.

– Минут десять-пятнадцать. Досье Гомолова припоминаю, – отозвался я.

– Ну и?!

– Типчик еще тот! Но твоей ненависти он не стоит. Обыкновенный кусок гуано!

– Судя по досье, да, – согласился полковник. – Но... хотя пес с ним! Интуицию к делу не подошьешь!

– И что она тебе подсказывает? – заинтересовался я.

– То, что грязи в нем гораздо больше, чем известно нашему начальству.

– А чуть конкретнее?

– Не могу пока сказать. Разберемся со временем, – проворчал Середа, с хрустом потянулся и предложил: – Если хочешь в ванную, то иди первым. Я там надолго засяду...

Выбравшись из постели, я умылся, почистил зубы, сполоснулся под душем, оделся и, уступив место напарнику, собрался включить электроплитку. В следующее мгновение во дверь тихо, воровато поскреблись. Открыв ее, я увидел в коридоре Гомолова: включенного, растрепанного, с глазами, полными ужаса.

– Господин полковник... помогите! – тряся вывернутыми губами, пролепетал он. – В доме... в доме злоумышленники! Бахтияр убит!!!...

Глава II

– Сколько их?! – опередил мои вопросы выскочивший из ванной Середа в спортивном костюме.

– К-кажется, ч-четверо. Г-г-де н-не зн-наю. – Сергея Вадимовича вдруг одолела судорожная икота.

– Как же ты спасся? Узбек им явно без надобности! – Игорь достал из сумки пистолет с глушителем.

Ответить Гомолов не успел. В конце коридора мелькнула чья-то тень, и я рывком втянул антиквара в комнату. Как оказалось – очень своевременно.

– Фь-ють... фь-ють... фь-ють. – Характерно просвистело за открытой дверью. Там, где только что находились его ноги. Липовый аристократ издал громкий, неприличный звук.

– В сортир, падла! Там усирайся! – коброй прошипел полковник и тычком кулака в жирный затылок направил Гомолова в нужном направлении.

По-бабьи ойкая, Сергей Вадимович косолапо устремился в туалет. Спустя секунды оттуда донеслись громкие звуки того самого, к чему призвал его Середа. Комната стала наполняться зловонием. «Действительно «гений»! Так испортить воздух простой смертный не в состоянии!» – брезгливо сморщился я.

– Присмотри за этим... скунсом. Я зайду снизу. – Распахнув окно, Игорь пружинисто выпрыгнул во двор со второ-

го этажа. «Разумно! – укрывшись за дверной створкой, мысленно одобрил я. – Гомолова собираются захватить живым (иначе бы не по ногам стреляли). Значит, кто-нибудь придет сюда. Тогда посмотрим, кого нам нелегкая принесла, и встретим как положено! А Середа «почистит» их тылы»...

Ждать пришлось недолго. Спустя короткий отрезок времени в комнату проник здоровенный кавказец с ПСС в руке, покосился на открытое окно, дернул ноздрями и, хищно скалясь, направился к убежищу Сергея Вадимовича. «Неужто он такой болван?! Ничего не почуял, кроме ароматов гомоловского гуано... Или... хитрит?!. Ага!!!» На полпути незваный гость... (его движения я воспринимал как кадры замедленной съемки)... развернулся и выпустил в мою сторону три пули подряд. На мгновение опередив Смерть, я кульбитом «ушел» за кресло и в полете успел дважды нажать на спуск. Бугай содрогнулся, захрипел, выронил оружие и тяжело рухнул на пол. Из пробоин в груди забили фонтанчики крови.

– Тьфу, блин! Не повезло! – шепотом ругнулся я и осторожно приблизился к поверженному противнику. Он умирал, неотрывно глядя в потолок. На губах пузырилась кровавая пена.

– Эй, джигит! – Кольнул я его ножом в область паха. – Поболтаем напоследок? Иначе кастрирую!

– Ты... воючий... билат! – вместе с розовыми пузырями выдохнул горец. – А твой хозяин... (далее последовало

неразборчивое слово по-чеченски.)... За нами... придут... другие. И они... Х-р-р-р-р...

Мускулистое тело подергалось в агонии и обмякло. Хрип прервался, глаза остекленели. Я приложил палец к его сонной артерии. Пульс отсутствовал. Между тем доносящиеся из сортира звуки резко усилились. И в конечном счете слились в один непрерывный. «Сколько же в нем дерьма!» – покачал головой я и предупредил вполголоса:

– Оставайся на прежнем месте. Я пойду прогуляюсь. А ты, когда отосрешься, подыскивай нам новое помещение. В **этой** комнате больше жить нельзя. Она за год не проветрится!

– Дмитрий Олегович!!! Родненький!!! Не покидайте!!! – продолжая извергать гуано, запричитал Гомолов. – Чечены меня...

Не слушая его дальше, я вышел в коридор, в темпе обследовал второй этаж и, заслышав возню наверху, бесшумно устремился туда. По пути, на лестнице, я увидел Бахтияра, но не мертвого, а сидящего на ступеньках с окровавленной головой. Узбек болезненно морщился и сноровисто перебинтовывал себе череп (вероятно, ИПП дал ему Середа).

– Сколько их? – шепотом спросил я.

– Видел троих, – еле слышно ответил слуга. – Они там... на четвертом...

– Понятно! – Я бегом взлетел на последний этаж.

В обширном холле с выходящими в него дверями лежал,

оплывая кровью, труп второго из незваных гостей. А Игорь, не применяя оружия, дрался с третьим, явно собираясь взять одного в плен. Противник Середы был огромен ростом, весил не менее полутора центнеров и оказывал полковнику яростное сопротивление. Тем не менее успех медленно, но верно клонился в сторону Игоря. Лицо горца пестрело многочисленными кровоподтеками. Из рассеченной губы и разбитого носа текла кровь. Джигит задыхался и заметно крепился набок (очевидно, Середа сломал ему ребра). На полу у чуть приоткрытой двери валялся выбитый у него автомат «узи» с глушителем. Игорь же дышал ровно, двигался мягко. Непринужденно отражал бешеные удары гиганта и молниеносно наносил ответные, но не в жизненно важные центры.

– Давай, нохча... Сопrotивляйся активнее! – подбадривал он противника. – А то луплю тебя, как «грушу». Неинтересно даже!

«Играет. Как кот с мышью! – с неудовольствием подумал я. – А напрасно! Надо бы ткнуть в особую точку, временно парализовать, и дело с концом. Мало ли как оно дальше сложится!»

Я словно в воду глядел. Избитый гигант неожиданно, с невероятной для такой махины легкостью, сделал кувырок назад. В процессе подхватил «узи», вкатился в незапертую комнату и полоснул оттуда длинной очередью.

– Едрена вошь!!! – Середа вовремя распластался на полу. Предназначенные ему пули злобно вгрызлись в деревянную

панель на стене.

Т-р-р-р... т-р-р-р... т-р-р-р... – Продолжал палить чеченец. – Т-р-р-р-р-р... Собаки неверные! Не возьмете!!! Т-р-р-р... т-р-р-р...

– Куда ты, на фиг, денешься, урюк, – фыркнул Игорь. – Патроны-то у тебя кончаются. Сдавайся по-хорошему. Иначе светошумку под нос получишь!

В ответ прозвучала отборная брань (частью на русском, частью на чеченском языках). Затем зазвенели разбитые стекла. Укоризненно глянув на напарника, я, перепрыгивая через ступеньки, помчался на первый этаж.

Игорь, проверив комнату, последовал за мной. Прыжок гиганта оказался на редкость неудачным. Судя по всему, он хотел приземлиться на пышную, взрыхленную клумбу. Однако малость не рассчитал и попал на твердую, утоптанную площадку возле крыльца. При падении он переломал себе большинство костей и в настоящий момент напоминал жертву ДТП. Кровавая маска вместо лица, неестественно вывернутые конечности, слетевшая со ступней обувь...

– Жив... пока! – проверив пульс на шее, с некоторым удивлением констатировал я, достал прибор связи и набрал код прибора Рябова.

– Слушаю, – хрипло отозвался разбуженный генерал.

– Нападение на особняк Гомолова. Из трех нападавших – два «двухсотых», один «трехсотый». Еле «теплый», без сознания, – отрапортовал я.

– А вы как?

– Живы, здоровы. У Гомолова, правда, слуга по башке получил.

– Его состояние?

– Врачам решать. Но, по-моему, ничего страшного...

– Понятно, ждите. – Владимир Анатольевич дал «отбой».

– Ёкорный бабай! – виновато пробормотал Середа! – Накосрезил я дальше некуда! Надо было с ходу отключить гориллу, а я, дурак, выпендриваться начал. И вот, пожалуйста, результат! – Игорь умолк, сцепив зубы.

– Не переживай. С кем не бывает! – утешил я расстроенного напарника. – Тем более, сдается мне, наш засранец хорошо знает, **КТО** прислал к нему «горных орлов».

– С чего взял?! – вскинулся полковник.

Я повторил последние слова застреленного мною боевика.

– Тогда другое дело! – просветлел Игорь. – Пошли, потрясем это животное!

– Рановато, – возразил я. – Пусть высрется до конца и немного успокоится. А нам сейчас надо найти машину, на которой приехали джигиты. Потянем на спичках, кому искать?!

– Не надо. Кто проштрафился, тот и пойдет. – Середа направился к выходу со двора...

Полтора часа спустя

Фээсбэшная «Скорая» с двумя трупам и все еще живым «третьим» выехала за ворота. Бахтияр с забинтованной головой нажал кнопку в холле, и металлические створки медленно задвинулись.

– Иди отдохни, – бросил ему Игорь.

Узбек молча прошел в дом. Мой диагноз «ничего страшного» оказался верным. Слугу треснули по темени рукоятью пистолета, однако в последний момент он инстинктивно отклонился в сторону. Поэтому удар не проломил череп, а лишь рассек кожу и отправил Бахтияра в длительный нокдаун. Фээсбэшный врач обработал рану и предложил узбеку пройти бесплатное обследование в нашей клинике, но тот наотрез отказался. Дескать, «чувствую себя нормально, хочу остаться здесь».

– Пускай остается! – неожиданно поддержал его Середа.

– Но сотрясение... – попробовал возразить врач.

– Заживет как на собаке! – фыркнул полковник. – Правильно, Бахтияр?!

– Да, да, правильно! – заулыбался узбек. – Спасибо Вам, добрый господин!

– Ну раз так, я умываю руки, – пожал плечами врач и присоединился к коллегам, возившимся с «третьим» внутри реанимобиля.

– Жить будет? – перед самым их отъездом осведомился я.

– Процентом восемь-девять из ста, – басом ответил старший из медиков.

На том мы и распрощались...

– Думаешь, он нам еще понадобится? – проводив взглядом Бахтияра, спросил я напарника.

– Понятия не имею! – пожал плечами Игорь.

– Тогда почему...

– Да потому что! – Зеленые глаза Середы потемнели. – Не желает лечиться – не надо! Уговаривать не станем! Распинайся тут перед всякими... Ладно, шут с ним! Пора проведать дражайшего Сергея Вадимовича. Надеюсь, он успел отосраться!

Гомолов встретил нас в коридоре второго этажа. Антиквар выглядел бледным, усталым и... похудевшим килограмм на десять.

– Ваша новая комната гото... – слабым голосом начал он.

– Потом покажешь, – рыкнул Игорь и впился в него пронзительным, немигающим взглядом. Сергей Вадимович попятился, трясаясь как в лихорадке и стремительно покрываясь испариной.

– Не ссы, не съем, – мрачно усмехнулся полковник. – Но... при одном условии!

– Каком? – жалобно вякнул Гомолов.

– Ты чистосердечно сознаешься, **кто** и **зачем** прислал к тебе чеченов!

– Фу-у-уф-ф-ф!!! – облегченно выдохнул антиквар. – С превеликим удовольствием!!!

Мы с Середой недоуменно переглянулись.

– Пройдемте, господа! Пройдемте в кабинет! – засуетился Сергей Вадимович. – Присядем, выпьем кофе, выкурим по сигаре. Разговор предстоит долгий, а в ногах правды нет!..

Глава III

Кабинет Гомолова располагался этажом выше и представлял собой средних размеров помещение с мозаичным потолком, с паркетным полом, со старинным столом красного дерева, с несколькими удобными креслами, с плазменным телевизором (подключенным к спутниковой антенне), с баром и с кондиционером. На стенах висели звериные шкуры, поддельная родословная в золоченой рамке и коллекция курительных трубок.

Пригласив нас вовнутрь, Сергей Вадимович вынул из бара бутылку коньяка и вызвал по селектору Бахтияра.

– Кофе на троих и три сигары, – едва слуга появился в дверях, вальяжно распорядился он.

– **Один кофе и одну сигару**, – подчеркнуто поправил я. – И вообще, тебе не стыдно эксплуатировать больного человека?! По твоей же милости пострадавшего!

– Отдыхай, дорогой! Восстанавливай силы! – мигом сменил тон Гомолов. – А вместо себя пришли Степу – молдаванина. Пусть **он** нас обслуживает!

– Не нас, а тебя, чмошник! – потерял терпение Середа. – Мы с Дмитрием обойдемся без твоих угощений!

– Иди, дорогой, иди, – вздрагивая губами, повторил лжеаристократ.

Узбек удалился с невозмутимым видом. Вскоре ему на

смену примчался чернявый парень с кофейником и с чашечкой.

– Извините, хозяин! Я не нашел сигар в столовой, – заявил он с легким акцентом. – Может, еще поискать?

– С-с-сгинь, т-т-тупица! – Гомолов с трудом подавил вспышку бешенства и, когда молдаванин убежал, пожалился нам. – На редкость бестолковая нация! Мои сигары всегда хранятся там же, где и...

– Короче, Склифосовский! – обозлился я. – Давай выкладывай, **КТО** прислал чеченов. На раскачку две минуты. Время пошло! – С этими словами я достал пачку сигарет, угостил Игоря, и мы дружно закурили, стряхивая пепел на пол.

– Да, да, разумеется, – тяжело вздохнул Сергей Вадимович, плеснул в чашку кофе, добавил туда коньяка, нервно отхлебнул и начал длинный, путаный рассказ, суть которого сводилась к следующему.

Утром, в день нашего приезда, он навестил в качестве консультанта некоего Ахмата Назарбекова – богатого коммерсанта, последнее время увлекшегося антиквариатом. Ахмат недавно приобрел пейзаж работы Левитана и хотел убедиться в подлинности картины. Однако Гомолову пришлось разочаровать продвинутого нохчу. Пейзаж оказался грубой подделкой. Узнав об этом, Ахмат пришел в неопишуемую ярость, выругался по-чеченски и, позабыв об обещанном гонораре, приказал одному из телохранителей проводить антиквара к выходу. По дороге Сергей Вадимович услышал ко-

роткий, полный боли детский крик, донесшийся из подвала. И подумал с укоризной: «Разве можно так с ребенком, даже с провинившимся!!!» А по возвращении домой вдруг вспомнил: двое взрослых сыновей Ахмата учатся в Англии, а внуков у него нет. Тогда Гомолов позвонил Назарбекову и в лоб задал вопрос: «Кто кричал у тебя в подвале?!» Чеченец в ответ разразился площадной бранью, обозвал антиквара шизофреником и посоветовал ему держать язык за зубами. Гомолов подумал: «Может, вправду померещилось?» – извинился и повесил трубку.

– Но зачем, в таком случае, присылать убийц?! Я в полном недоумении!!! – в завершении повествования развел руками Сергей Вадимович.

– С чего ты взял, будто их прислал Назарбеков? – отрывисто спросил Середа.

– Тот... в вашей комнате... я узнал его, – потерянно пробормотал Гомолов. – Это он провожал меня к выходу...

– Сколько боевиков осталось у Ахмата? – спросил я.

– Человека два, три... не больше. А разве вы собираетесь...

– Не лезь не в свое дело, – посоветовал Игорь. – И еще – нам нужен компьютер, подключенный к Интернету...

* * *

Обосновавшись в новом, отведенном для нас помещении,

мы с напарником взялись за работу. Я, используя наш ноутбук, порылся в фээсбэшной базе данных, а Игорь (с гомоловского компьютера) проник в закрытые милицейские сайты и скачал оттуда нужную информацию. Если обобщить собранные факты, то получилась прелюбопытная картина!

Назарбеков Ахмат Юнусович родился в 1950 году в селе Ведено... Закончил Высшую школу милиции. Рано потерял обоих родителей (отец с матерью погибли в автокатастрофе в 1970 г.). Вплоть до начала перестройки работал в органах МВД Чечено-Ингушской АССР. Последнее звание – майор юстиции. Во второй половине восьмидесятых годов уволился со службы, переехал с женой в Н-ск и, по оперативным данным, стал одним из главарей пресловутой чеченской ОПГ... В период первой РЧВ (опять-таки по сведениям агентуры) поддерживал тесные связи с чеченскими бандформированиями и переправлял им значительную часть денежных средств, вырученных от продажи наркотиков. В конце девяностых был арестован за вышеуказанные действия, но сумел выйти «сухим из воды». Уголовное дело против него прекратили за отсутствием доказательств. С 2000 года полностью легализовался, владеет сетью автозаправок и несколькими крупными вещевыми рынками в различных городах России. В молодости увлекался вольной борьбой. В семнадцать лет выполнил нормативы кандидата в мастера спорта... Хитер, изобретателен, осторожен, легко входит в доверие к людям, самовлюблен, тщеславен, крайне злопамятен...

(Личностные качества как будто списаны с заключения консилиума наших эскулапов и «мозговедов»)… С 2001 года постоянно обитает в поселке Халявниково в пятиэтажном особняке, но имеет много знакомых в «Платиновом городе» и часто ездит к ним в гости. Семейное положение на данный момент – вдовец. Жена, Фатима Исмаиловна, умерла от рака в 2004-м. Сыновья Вахид (1990 г. р.) и Хамзат (1988 г. р.) почти постоянно находятся в Великобритании (где обучаются в Оксфордском университете) и навещают отца два-три раза в год. В настоящее время Ахмат Назарбеков живет один (не считая охраны и прислуги мужского пола). Женского общества избегает.

…Личный автотранспорт – восемь американских джипов «Чероки». Один из них стоит сейчас в гараже Гомолова… (Именно его обнаружил Середа в процессе недавних поисков.) …И, наконец, самое интересное!

Начиная с 2002 года в поселке Халявниково исчезло восемь детей (четыре мальчика и четыре девочки). Последней, три дня назад, пропала девятилетняя Алла Новикова. Все дети происходили из семей простых работяг. (Халявниково делится на две части: «особняковую» и обычную, со стандартными многоэтажками.) Поэтому их исчезновение не наделало шума, не привлекло внимания «высших сфер», а розыск велся, как всегда ни шатко ни валко, спустя рукава…

– Думаешь, он? – оторвавшись от компьютера, спросил Середа.

– Очень похоже! – кивнул я. – Особенно с учетом детского крика, слышанного Гомоловым... Нет, но каковы сволочи!!!

– Кто?

– Да наши, блин, власти! Маньяк «развлекается» уже шесть лет. А искать начали, лишь когда он добрался до элитных деток. На работяг же всем плевать с высокой колокольни!!!

– Согласен, сволочи. – Игорь закурил очередную сигарету. – Однако отбросим эмоции и спокойно осмыслим ситуацию:

1. Шум поднимать рано. Прямых доказательств у нас нет. А у Назарбекова слишком мощная «крыша» где-то в верхах. Иначе бы он не вышел «сухим из воды» в конце девяностых. Не жил бы себе припеваючи в двадцати километрах от Н-ска... С таким-то прошлым!!!

2. Тянуть резину тоже нельзя. Время – против нас. Отсюда вывод...

– Действовать незамедлительно, собственными силами! – завершил я. – Ты это хотел сказать?

– Верно, – подтвердил Середа. – Предлагаю похитить Ахмата, отвезти в укромное место, уколоть психотропкой и записать его откровения на видеокамеру. Ну а дальше ежу понятно. Как тебе моя идея?

– Разумно, – одобрил я. – Кстати, нам понадобится схема внутреннего устройства жилища Назарбекова. – Придется напрячь дражайшего Сергея Вадимовича. Не возражаешь?

– Придется! – поморщился полковник. – Хотя и противно с ним общаться!

– Работая с агентурой, приходится часто зажимать нос, – философски произнес я. – Ничего не попишешь. Служба у нас такая!..

* * *

Особняк предполагаемого маньяка находился в километре от гомоловского и стоял на самом краю элитной части Халывниково, наособицу от остальных домов. Внешне он чем-то напоминал средневековый замок: зубчатые стены забора, башни с остроконечными крышами, узкие оконца главного корпуса... С тыльной стороны к нему примыкали лесопосадки. С торцевой – вела заасфальтированная дорожка длиной около ста метров. Получив от Гомолова план здания, мы тщательно загримировались и под видом праздношатающихся бездельников провели разведку местности. Она (местность) в целом благоприветствовала скрытному проникновению на объект и незаметному отходу с добычей. Удостоверившись в этом, мы установили в окрестностях усадьбы миниатюрные камеры слежения (передающие изображение на специальный монитор). Вернулись обратно, наскоро перекусили и разделились. Один следил за монитором, второй – отдыхал на диване. Смена – каждые два часа... За весь день ничего особенного вокруг усадьбы Ахмата не произошло. В

семнадцать тридцать он вышел со двора в сопровождении одного телохранителя, вяло прогулялся вдоль забора и в семнадцать пятьдесят утопал в дом.

– Расслабуха у нелюдя, – подозвав меня к монитору, угрюмо констатировал Игорь. – Умучил очередное дитя и балдет. Совсем как Чикатило! Я перед операцией просмотрел сокращенную копию уголовного дела ростовского потрошителя. Вот послушай: «...Когда он рвал, кромсал ножом, терзал человека и, наконец, достигал семяизвержения, – наступала разрядка, проходила злость. Все становилось безразлично. Наступали облегчение и опустошение. Исчезали все мысли, заботы, жизненные переживания. После каждого акта Чикатило ощущал сильнейшую физическую усталость, плохо воспринимал окружающее. Иногда, выйдя на дорогу, чуть не попадал под машину. Мог достаточно долго блуждать по лесу, не находя выхода из него. И лишь спустя какое-то время приходил в себя», – наизусть процитировал Середа и добавил сквозь зубы: – А наш «клиент» устроился куда более комфортно! К его услугам пособники-телохранители, несколько автомобилей, собственный дворец...

– Современный вариант барона Жилия де Ре, – заметил я. – Теперь, кстати, становится понятным, почему Ахмат не беспокоился исчезновением трех громил, посланных за любопытным антикваром. Чудовище «разрядилось», плохо воспринимает окружающее, а верные нукеры не решаются потревожить кайфующего хозяина.

– Кричала, несомненно, Алла Новикова, – Игорь громко скрипнул зубами. – Жаль, не смогли спасти девочку. Теперь по ночам снится будет!

– Мы чисто физически не успевали, – тихо молвил я. – К тому времени, как разобрались в ситуации, она была уже мертва.

– Самооправдание! – отрезал Середа. – Нам следовало быстрее шевелить извилинами! Как ни крути – бедная малышка останется на нашей совести!!!

Не найдя что ответить, я тоскливо уставился в стену напротив. В гробовом молчании прошло минут пять.

– Кроме Ахмата пленных берем? – нарушил тишину я.

– Не хотелось бы, но придется, – кислым тоном ответил полковник. – Чем шире свидетельская база, тем лучше. А потому держи. – Он достал из сумки два странного вида пистолета с глушителями. Один вручил мне, второй сунул себе за пояс и пояснил: – Заряжены иглами, смазанными сильнодействующим снотворным препаратом. Прицельная дальность – пятьдесят метров. В обойме шесть патронов. Человек, словивший такую иголочку, будет беспробудно спать часов десять-двенадцать...

– Отключается сразу? – уточнил я.

– Нет, секунд через пятнадцать, – покачал головой Середа.

– Значит, сперва вырубает, потом усыпляет, – резюмировал я.

– Ну а дальше – увозим главного фигуранта в укромное местечко, колем психотропный препарат, получаем первые признательные показания и высылаем за спящими оперативную группу, – добавил Игорь.

– Слушай, а зачем вообще куда-то уезжать? – вдруг встрепенулся я. – По словам Гомолова, в доме остались два-три охранника. Плюс прислуга мужского рода. Особо ретивых замочим, прочих усыпим и допросим маньяка прямо в его берлоге. Если, конечно, нукеры не успеют вызвать подкрепление.

– Вот именно, **ЕСЛИ**, – подчеркнуто повторил полковник. – Впрочем, ладно, там разберемся... по обстоятельствам!..

Глава IV

В час ночи мы с Игорем подъехали к современному «замку Тиффож» на нашей машине – японском джипе с большим багажником. Оставили автомобиль на краю лесопосадок, тенями проскользнули между деревьев и залегли метрах в двадцати от зубчатой стены. Учитывая немногочисленность охраны, мы были вооружены только ПСС, боевыми ножами и «сонными» пистолетами с двумя запасными обоймами к каждому. Кроме того, Середа принес с собой капроновую веревку с железной «кошкой» на конце. А я, сам не зная зачем, прихватил три светозумовые гранаты. Бронежилеты надевать не стали (лишняя обуза). Их вместе с «Валами», «эфэшками и принадлежностями для наркодопроса оставили в джипе...

В небе скапливались наэлектризованные, грозовые тучи. Со сторон Н-ска доносились отголоски грома. В тяжелом, вязком воздухе дышалось с трудом. Ночные птицы не подавали признаков жизни. Попрыгала даже кровососущая мошкара...

– Взгляни-ка! – вдруг шепнул мой напарник, указывая на участок стены слева от нас.

Присмотревшись... (сквозь инфракрасные очки)... я увидел там небольшую металлическую дверцу, выкрашенную под цвет забора, и подумал: «Все сходится!!! Через нее, втай-

не от посторонних глаз, в усадьбу затаскивают похищенных детей. И, возможно, выносят трупы для последующего уничтожения».

Гроза между тем постепенно приближалась. Раскаты грома усилились. В сумрачном небе появились первые бледно-голубые всполохи молний.

– Пора, – толкнул я в бок Середу.

Коротко кивнув, он метнулся к стене, забросил «кошку» и вскоре уже стоял наверху между двух зубцов.

«Чисто!» – осмотрев окрестности, знаком показал Игорь и мягко, по-кошачьи, спрыгнул вниз. Спустя секунды я присоединился к нему. На территории «объекта» было тихо, безлюдно. Задний двор, где мы приземлились, густо зарос невысокой травой. Прямо перед нами, метрах в ста, высилась темная громада особняка. Неподалеку от нее виднелись несколько хозяйственных построек. От забора к черному ходу вела утоптанная тропинка. Бесшумно ступая, мы двинулись к дверям, и тут внезапно произошло непредвиденное. Из скрадок по обе стороны тропинки, выросли двенадцать крепких фигур и бросились на нас.

Одновременно на «черном» крыльце возник Ахмат Юнусович собственной персоной. Крикнул по-чеченски: «Живыми брать гомоловских наемников!» – и с интересом уставился на происходящее. Как я успел заметить, он был одет в летний костюм индивидуального пошива. В одной руке Назарбеков держал легкомысленную тросточку, в другой – тлею-

щую сигару. «Они ждали нашего появления! – полыхнуло в мозгу. – А значит...» Дальнейшим размышлениям помешала начавшаяся схватка. Которая, впрочем, оказалась весьма непродолжительной. Нукеры Назарбекова не представляли, **с кем именно** они связались, и принимали нас за обычных «быков», нанятых Гомоловым. Выскочив из укрытий, джигиты сразу разделились – по шесть человек на каждого из нас. Чем существенно облегчили нашу работу.

– Пленные! – уложив первых трех нападавших, напомнил мне Игорь. На сей раз он дрался без выкрутасов, по принципу: один удар – один нокаут.

– Знаю, – вырубив четвертого из своей партии, буркнул я. Бац... бац... – Перед Середой остался всего один противник.

Хлесть... Х-р-р-р! – Мои полегли полностью.

Назарбеков тем временем шустро юркнул обратно в дом, гортанно созывая подмогу. «Сколько же у него людей на самом деле?! Ай да Гомолов, ай да сучонок!!! Не более двух-трех... Интересно, он сознательно хотел нас подставить или как?!.»

– А-а-а-а-а!!! – Последний оставшийся выхватил «Вектор», попался на прием боевого самбо, заорал от боли в сломанной руке, выронил оружие и, получив жесткий тычок в нервный узел, распластался на траве рядом с телами товарищей.

Т-р-р-р-р-р-р-р-р... – Прострекотала длинная паническая

очередь из бесшумного автомата. Стреляли из дверного проема. Пули прошли сантиметрах в двадцати над нашими макушками. «Перепугался горный орел! Промазать с такого-то расстояния!!!»

Бу-бух! – Метнул я ему в «подарок» светошумовую гранату, бросил Игорю: «Усыпляй недобитков!» – и со всех ног рванулся в дом.

П-ф-ф... П-ф-ф... П-ф-ф... П-ф-ф... – Часто захлопал у меня за спиной «сонный» пистолет напарника. – П-ф-ф... П-ф-ф... – Полковник поменял обойму и продолжил «раздавать снотворное»...

В небольшом холле на первом этаже я обнаружил незадачливого стрелка. Им оказался плотный мужик в спортивном костюме. Оглушенный, ослепленный, он надрывно стонал и вертелся юлой на полу. Рядом валялся «АКМБ».

П-ф-ф! – Специголка вонзилась в ляжку страдальца. Чеченец вздрогнул, обмяк, замолчал и уткнулся носом в цветастый линолиум. Обшарив его одежду, я обнаружил два запасных «магазина», подобрал автомат и внимательно огляделся. Обитые деревянными панелями стены, не выключенная люстра под потолком, уходящая наверх лестница, а напротив меня – чуть приоткрытая дверь с бронзовой ручкой. Ею, похоже, и воспользовался славный Ахмат.

Ту-ду-ух... Ту-ду-ух! – Рывкнуло во дворе, и секунд через десять в холле появился ровно дышащий Игорь с «Вектором» в правой руке.

– Снял двоих с «Валами» на третьем и четвертом этажах, – пояснил он.

– Они успели открыть огонь?

– Один. Зацепил, зараза. – Середа коснулся набухающего кровью левого рукава и спокойно поинтересовался: – Зачищаем дальше?

– Обожди малость. – Вспоров ножом рукав, я быстро осмотрел рану. Пуля прошла вскользь, не задев кость и вырвав небольшой кусок мяса из полковничьего предплечья.

– Пустяки! – облегченно выдохнул я, помог напарнику перевязать рану и сказал: – Дверь в заборе, как я заметил, закрыта только на засов изнутри. Лучшего пути отхода не придумаешь! Давай так: ты остаешься здесь и разбираешься с теми, кто попытается удрать, а я за Назарбековым. Согласен?

– Да, – неохотно буркнул Игорь, к чему-то прислушался и навскидку выстрелил в сторону лестницы. По ступенькам прозвякал ручной пулемет, а вслед за ним скатилось мертвое тело очередного джигита с развороченной грудью.

– Ловко. Продолжай в том же духе.

Я распахнул дверь, за которой, предположительно, скрылся главный фигурант. Шагнул в темноту, очутился в прямом, как стрела, коридоре и осторожно, держа автомат на изготовку, двинулся вперед. Дорога шла под уклон, очевидно, в подвал. «Побежал в излюбленное место?! Связанное с острейшими сексуальными переживаниями... Ух, нелюдь проклятая!!! На костре тебя поджарить!..» Неожиданно я услышал

подозрительный шорох впереди, метнул туда вторую светошумку и моментально упал на пол: крепко зажмурил глаза, широко разинув рот. Ослепительная вспышка, страшный грохот и вслед за ними – отчаянный двухголосый рев. Вскочив на ноги, я огромными прыжками помчался на звук. В конце коридора на прямоугольной площадке корчились два боевика с «Валами». Один лет сорока, второй – совсем мальчишка, не старше двадцати.

П-ф-ф... П-ф-ф. – Сработал «сонный» пистолет, и в следующий миг чья-то крепкая рука сдавила горло, одновременно заваливая меня назад и пытаясь свернуть шею... «Опытный, гад! Откуда же ты взялся?!» Втянув голову в плечи, я вцепился пятерней в волосатую кисть противника, правой – в одежду на одноименном плече. Рухнув на колени, перебросил убийцу через себя и освободившейся рукой с размаху рубанул его по горлу. Из рта нападавшего вырвался предсмертный хрип, на губах выступила пена, жилистое тело задергалось в агонии. «Двухсотый» однозначно. Не рассчитал малость! Впрочем... усыпленных и без него хватает с лихвой!..» Повернув голову, я заметил сдвинутую панель в стене. Видимо, оттуда и выскочил невезучий абрек. Оружия при нем не было. «Так, так... А вот это уже интересно!»

В открывшемся за панелью проеме виднелись отблески света. Широкая лестница вела еще дальше вниз. Подземелье «замка Тиффож» оказалось значительно глубже, чем я предполагал. Хотя... неудивительно! Оно ведь не для банок

с компотом предназначено!

Сняв инфракрасные очки, я начал крадучись спускаться по каменным ступеням. Из подвала доносились приглушенные голоса.

– ...Это не простые наемники... Столько наших вдвоем... Аллах милосердный!!! Принесло же их на наши... Хватит причитать, грузи быстрее!.. Хозяин приказал... все... – Разобрал я фрагменты разговора по-чеченски.

«Ахмата, стало быть, там нет. Значит, рисковать нет смысла»... Вернувшись обратно в коридор, я швырнул в проем последнюю гранату. И, дождавшись взрыва, без опаски сбежал вниз... Просторное, сухое помещение... (Вероятно, с подогревом и кондиционером)... Специальный съезд для машин с автоматическими воротами наверху. Стеллаж вдоль стены. Ряды небольших мешков на полках. Два джипа с наполовину заполненными багажниками и два с пустыми. По стволу на переднем сиденье каждого автомобиля («узи», «АКМБ», «Вал» и «АКС-74-У»). Яркие лампы под потолком. Запертая, бронированная дверь в дальнем углу. «Ага! Вот где оно «развлекалось»! Нечисть, блин, гребаная!..» Рядом еще одна лестница, ведущая, надо думать, в жилые покои.

Три тела в спортивных костюмах – оружие и извивающиеся на бетонном полу...

П-ф-ф... П-ф-ф... П-ф-ф... – Всадил я в них оставшиеся три иголки, поменял в пистолете обойму, сунул его за пояс

и с автоматом в руках устремился ко второй лестнице. Она была намного длиннее первой, имела четыре пролета и заканчивалась... в рабочем кабинете господина Назарбекова.

– Али, отзовись! Хамид, почему молчишь?!. Саламбек!.. Шамиль!.. Ваха!.. Аслан!.. Руслан!.. – Подкравшись к небольшой дверце, услышал я нервный голос главного фигуранта. Судя по всему, он вызывал по рации своих нукеров, а те, по понятным причинам, не отзывались.

– Тень дерьма больной собаки!!! – по-чеченски выругался Ахмат, шарахнул об пол рацию и начал торопливо набирать номер на стационарном телефоне.

«Ну не-е-ет, голубчик! Подмогу ты не позовешь!..» Пинком вышибив дверь, я выпустил длинную очередь вприценку с его головой.

– Шайтан! – выхаркнул Назарбеков, падая на ковер. «Узи» он позабыл на столе, чем я не преминул воспользоваться – поставил «флажок» на одиночный огонь и тремя точными выстрелами безнадежно испортил израильскую «игрушку». А четвертым – разбил телефонный аппарат. Затем выщелкнул опустевший «магазин», хотел вставить новый, но... не сумел. С бешеным рыком Ахмат опрокинул на меня массивный стол (я едва успел отскочить в сторону). Сорвал со стены горскую саблю и, зверски щерясь, рубанул меня по темени. Перехватив автомат обеими руками, я заблокировал смертоносный клинок. Ударом ступни в грудь отбросил злодея назад, поднял резное кресло и с силой бросил

в него. Удар пришелся в грудь и частично в нижнюю часть лица. Назарбеков пошатнулся, глаза у него затуманились, из рассеченных губ потекла кровь. Однако саблю он не выпустил и, продолжая сжимать ее в руке, выбежал в коридор.

– Блин! – ругнулся я, оставил надрубленный «АКМБ», выхватил ПСС и пустился вдогонку. К счастью, оглушенный Ахмат не смог далеко удрать. На полпути он споткнулся и, когда я появился в коридоре, как раз поднимался на ноги.

П-ф-ф... П-ф-ф... – Двумя прицельными выстрелами я «пощекотал» ему уши (хорошо давит на психику...)... Стремительно сорвал дистанцию. Низким присядом ушел от нового удара (сбоку по шее). Перехватил руку с саблей, нажатием на болевую точку заставил чеченца выронить оружие, двинул ему коленом в пах и, в завершение, провел удушающий прием из положения стоя. Назарбеков протяжно засипел, передернулся и потерял сознание.

– Силен, зараза, – проворчал я, уложил бесчувственное тело на пол, завернул ему руки за спину и защелкнул на кистях самозатягивающиеся «браслеты». Потом вынул из кармана моток скотча. «Спеленал» Ахмату ноги в щиколотках, заклеил рот и по прибору связи вызвал напарника.

– На приеме, – мгновенно отреагировал Середа.

– Клиент упакован. Мы на третьем этаже. Идем к тебе, – сверившись со схемой, сообщил я.

– Дойдешь до верхушки лестницы, назовись по имени, – попросил Игорь. – А то мало ли...

– Пришлось еще кого-то грохнуть?

– Сам увидишь, – полковник нажал «отбой»...

В известном читателю «черном» холле прибавилось тел. Правда – не мертвых. У подножия лестницы лежали друг на дружке три безоружных мужика: два довольно хлипких на вид, третий – жирный, с огромным брюхом. По закону подлости он очутился сверху импровизированного штабеля, придавив своей массой худых товарищей по несчастью.

– Прислуга. Опасности не представляли. Стрелял иголками, издали, – пояснил Середа и окинул критическим взором Ахмата у меня на плече. – Так вот ты каков, пятнистый олень!!!

– Скорее гиена, – дернул щекой я. – Сваливаем в темпе. Я несу, ты прикрываешь... на всякий пожарный.

Быстрым шагом мы вышли из дома. Снаружи бушевала летняя гроза. Орудийными залпами грохотал гром. Ярко сверкали молнии. В воздухе пахло озоном. С неба лило как из ведра. «Отлично! Следов не останется!»... Миновав задний двор с усыпленными засадниками, мы отодвинули засов на потайной дверце. Рысью преодолели лесопосадки, забросили мычащего пленника в багажник джипа. Уселись в салон (я за руль, Игорь – рядом, на переднее сиденье). И на предельной скорости помчались сквозь грозу...

Глава V

«Укромное местечко», предложенное Середой для нарко-допроса, представляло собой заброшенный коровник неподалеку от опустевшей дерегушки в тридцати километрах от Халявниково (двадцать восемь по Д-скому шоссе и два – по запущенному, давно не еженному проселку). Когда-то, в советские времена, здесь находился колхоз с громким названием «Ленинское знамя». В самом начале 90-х он задохнулся насмерть под бременем дикого рынка. Жители частью подались в город, а частью вымерли: кто-то от самогонки, кто-то от болезней, кто-то от голодной старости. Заколотенные дома гнили, ветшали, постепенно разваливались... А новорусские строители коттеджей и дворцов упорно обходили стороной эти края. Во-первых, местность была не ахти: болотистая, с невероятным количеством комаров, с топкими лугами и чахлыми лесками, кишашими змеями. Во-вторых, останки «Ленинского знамени» пользовались дурной репутацией. Утверждали, будто бы из скотобойни (выстроенной на фундаменте разрушенной церкви) выходят по ночам призраки животных и с неистовой яростью бросаются на людей. Особенно на тех, кто решил тут обосноваться. Наглядное свидетельство тому – начатый, но незаконченный особняк. В 1994-м его собрался выстроить некий господин Титков, нажившийся на оптовой торговле порно кассетами. Поначалу

дело вроде шло на лад: заложили фундамент, возвели стены с перекрытиями... Но затем произошло что-то страшное. Рабочие в панике разбежались, а сам Титков был найден возле болота с проломленным черепом. Рядом виднелись отчетливые следы копыт...

Все вышеизложенное мне рассказал Игорь по дороге к «укромному местечку».

– Обманул работяг с деньгами, вот и получил по кумполу кирпичем, – усмехнулся я, вырुливая с проселка к руинам коровника. – Призраки погибших парнокопытных... Напридумают тоже!!!

– Хочешь верь, хочешь нет, – пожал плечами Середа.

Машина остановилась в десяти метрах от развалин, и я первым выпрыгнул на раскисшую от воды землю. Гроза ушла далеко на запад, уводя с собой тучи, дождь и молнии. В очистившемся небе холодно сияла полная луна. За скопищем черных, мертвых домишек виднелся угрюмый остов четырехэтажного здания. За ним темнел безлюдный лес.

– А где та самая скотобойня? – любопытствовал я.

– Ее отсюда не видно. – Вышедший следом Игорь отпер багажник. Рывком за наручники заставил выбраться оттуда Ахмата Юнусовича и толчком в спину направил его к коровнику.

– У-му-бу!!! – вознегодовал Назарбеков.

– Иди, иди, новый Чикатило. Не вынуждай нас отбивать тебе почки! – «ласково» посоветовал Середа.

– У-бу-у-у?! – лицо чеченца выразило крайнюю степень недоумения.

«Арти-и-ист!!! – подумал я. – Посмотрим, **ЧТО** ты запо-
ешь после укола!!!» Между тем мой напарник вновь схватил
пленника за наручники и полусогнутого, скрипящего зубами
повлек в глубь развалин, которые (как я понял) использовал
не в первый раз.

Взяв с заднего сиденья портативный чемоданчик, видео-
камеру и мощный фонарь, я двинулся за ними. Игорь при-
вел Назарбекова в дальний конец коровника на небольшую
площадку под сохранившимся фрагментом крыши. Заста-
вил Ахмата сесть на бетонный пол и куском проволоки при-
крепил наручники к ржавому крюку в стене. Затем оголил
фигуранта до пояса и при помощи нехитрых приборов про-
вел короткое медицинское обследование.

– Здоров как бык. Невзирая на бурную ночь – пульс
и давление в норме. Сердечные ритмы не вызывают опасе-
ний, – закончив, резюмировал он.

– Маньяки, как правило, отличаются отличным здоро-
вьем, – заметил я. – Вспомни Джумгалиева, Чикатило, Го-
ловкина, Ряховского...

– У-бу-бу-у-у!!! – Ахмат, казалось, лопнет от возмуще-
ния. – Убу-бу-у!!! У-бу-у!!! У-бу-у-у!!!

– Пусть побесится... напоследок. – Игорь сорвал у него
со рта скотч.

Вопреки ожиданиям, Назарбеков повел себя сдержанно.

С полминуты он глубоко дышал по китайской системе, а потом хрипло спросил:

– Скажите, ребята, вы случайно не сумасшедшие?!

– Нисколько, – заверил я.

– Тогда зачем называете меня маньяком?! Ставите в один ряд с известными серийными убийцами?!

– Сам знаешь! – обжег его взглядом Середа.

– Нет, не знаю, – покачал головой Ахмат. – И ничего не понимаю! Сперва Сережка-пидор крадет у меня картину Левитана, подменив ее грубой подделкой. Я посылаю к нему людей, но они не возвращаются. Утром звонит Гомолов и, пердя от злорадства, обещает: «Ближайшей ночью жди гостей! Мои наемники оторвут твою пустую башку!» Через полтора часа мне докладывают: «Возле усадьбы ошиваются два незнакомых типа. Похоже, проводят разведку и устанавливают камеры наружного наблюдения». Я тщательно готовлюсь к встрече и... все летит прахом. Так как «наемники» оказываются одними из лучших спецов ФСБ... Да, да. Я узнал вас, полковники Корсаков и Середа! И наконец-то догадался. Контора решила накрыть мой бизнес по наводке стукача Гомолова. Но объясните две вещи.

Первое – при чем тут серийные убийства на сексуальной почве?!

И второе: на хрена посвящать в свои планы это гнилое чмо? Ведь он подставил вас как последних лохов! Очень странное поведение для профессионалов вашего уровня!!!

– Под-ста-вил, – раздельно повторил я.

– Ну конечно! – вскинулся Назарбеков. – На ваше счастье, я решил захватить живьем гомоловских посланцев, чтобы... – Ахмат осекся, потупил глаза.

– Чтобы подвергнуть пыткам, вынудить к сотрудничеству и, с нашей помощью, от души поквитаться с ненавистным мошенником, – закончил я. – Правильно?

Ахмат неохотно кивнул.

– Так или иначе – рыло у тебя в пуху, – хмуро подытожил Игорь, ловко воткнул чеченцу шприц в вену и проворчал: – Включай камеру, Дима. Сейчас уточним, **в каком именно** пуху. Хотя... в общем-то уже понятно...

* * *

Краткая выдержка из видеозаписи наркодопроса Назарбекова А.Ю. Допрос проводил полковник ФСБ Серeda И.В. Снимал на камеру полковник ФСБ Корсаков Д.О.

Серeda: Это ты убиваешь и насилуешь детей в «Платиновом городе» и в поселке Халявниково?

Назарбеков: Нет.

Серeda: Ты знаешь, **кто** это делает?

Назарбеков: Не знаю.

Серeda: У тебя когда-нибудь возникало желание совер-

шить подобное деяние?

Назарбеков: К детям – никогда.

Серeda: А к кому возникало?

Назарбеков: К Сережке-пидору! Но не самому насилловать, а отдать Вахе, Шамилю и Аслану. Они на зоне привыкли к «петухам». Зато убивал бы лично: медленно, жестоко, с удовольствием...

Серeda: Ты называешь Гомолова пидором просто в виде ругательства или, по-твоему, он действительно склонен к педерастии?!

Назарбеков: По-моему, склонен.

Серeda: У тебя есть факты?

Назарбеков: Только подозрения.

Серeda: Понятно. Теперь расскажи о своем «бизнесе».

Назарбеков: Я снабжаю кокаином «Платиновый город», а героином – значительную часть Н-ской области.

Серeda: Назови поименно тех, кто вместе с тобой участвует в этом деле. Изложи подробно все детали...

...Назарбеков откровенничал не менее полутора часов. Он сдал с потрохами своих поставщиков, наркдилеров и высоких покровителей во властных структурах. Кроме того, подгоняемый наводящими вопросами, Ахмат сознался в пятнадцати убийствах, совершенных им самим (но не на сексуальной почве!) и в организации еще сорока восьми... После уничтожения нашими спецслужбами Шамиля Басае-

ва он больше не поддерживал связей с бандформированиями в Чечне. Зато завел тесную дружбу с агентом грузинской разведки Сосо Магарадзе – владельцем целой сети элитных борделей. Магарадзе проживал в «Платиновом городе» и, по заданию Тбилиси, усердно способствовал развитию наркомании в России. В частности, он предоставил Назарбекову новый канал поставки героина – от американских военных в Афганистане... (Вот и позволяй странам НАТО транспортировать «невоенные грузы» через нашу территорию. Дерьма не оберешься!)... На доходы Ахмата от реализации афганской отравы Сосо не претендовал. Однако на правах благодетеля он активно вмешивался в «торговый процесс» и указывал, где **именно** должны распространяться наркотики. В первую очередь его интересовали школы для особо одаренных детей, высшие учебные заведения и воинские части... В завершение допроса Игорь уточнил ряд нюансов, связанных с кражей Гомоловым картины Левитана. При этом выяснилось: пять дней назад Ахмат дал Сергею Вадимовичу означенный пейзаж на дополнительную экспертизу. Первую уже провел известный в стране искусствовед Владимир Соломатин. Утром, в день нашего приезда, Гомолов вернул картину с однозначным вердиктом – «грубая подделка» (о предыдущей экспертизе антиквар не знал). Ахмат немедленно помчался к Соломатину в Н-ск, и тот подтвердил: «**ЭТО** – действительно грубая подделка. Но то полотно, которое я недавно смотрел, было подлинным». Он решил вернуть похищен-

ное вместе с похитителем, и... Впрочем, остальное читателю известно.

– Интуиция тебя не подвела, – выключив камеру, сказал я напарнику. – Гнилья в Гомолове гораздо больше, чем можно понять из досье. Но с ним успеется, а пока... – Я достал прибор связи, набрал код прибора начальника «...» Управления и доложил обстановку. (Середа тем временем отошел подальше в сторону и связался с Нелюбиным.)

– Гм! Агент все-таки существует, хоть и не в том амплуа, – после короткой паузы молвил Рябов.

– Вы о чем? – удивился я.

– После объясню, – в голосе генерала звучала накопленная усталость. – В общем так, Дмитрий, о Магарадзе и спящих подельниках Назарбекова можете не беспокоиться. В течение часа всех заберем. За Ахматом высылаю вертолет. Вы где конкретно находитесь?

Сверившись с картой, я продиктовал координаты.

– Хорошо, ждите, – Владимир Анатольевич дал «отбой».

Спустя минуту Игорь завершил беседу с Нелюбиным и вернулся к месту допроса.

– Слышь, джигит, а что у тебя находится в подвале за бронированной дверью? – обратился он к Ахмату, не до конца отошедшему от воздействия пентонала.

– Процедура комната, – вяло пробубнил наркоделец.

– Поясни!

– Там я жестоко расправляюсь с врагами... Не со всеми...

С особо злейшими...

– Кто был последним?

– Журналист Тимохин... полгода назад. Он собирал материал о наркоторговле в Н-ской области. Вплотную подобрался ко мне, гаденыш...

– Что ты с ним сделал?

– Заживо отрезал голову... Труп мои нукеры утопили в болоте... Он до сих пор числится пропавшим без вести...

– Гомолов угодил бы туда же, за дверь?

– Да. Сперва Шамиль, Ваха и Аслан двое суток напролет... раздирали бы ему задницу... разными способами. И живую и фаллоимитаторами... Потом я бы содрал с него кожу полосками, посыпал мясо солью. А потом...

– Заткнись, садюга! – брезгливо скривился я.

Назарбеков послушно умолк. Выглядел он неважно. Руки мелко дрожали. Голова безвольно свесилась на плечо. Из уголков рта текли слюни. Кожа приобрела землистый оттенок, покрылась пупырышками озноба. Ахмат Юнусович ловил пентоналовый отходняк. Тем не менее жизни его ничего не угрожало. Как показало повторное обследование (проведенное опять-таки Середой), давление оставалось более-менее в норме. Сердце билось хоть и учащенно, но тоже в пределах допустимого.

– Идем на свежий воздух, – закрыв чемоданчик и взяв фонарь с видеокамерой, предложил Игорь. – Подождем «вертушку» там. Да и наш клиент пусть подышит. Ему полезно.

Отвязав наручники от крюка, я повел задержанного к выходу. Время близилось к рассвету. Луна поблекла, сморщилась. В ее слабых белесых лучах мертвая деревня смотрелась особенно жутко, а остов титковского особняка напоминал полуразрушенный древний замок. Дул порывистый зябкий ветерок. Повсюду лежала крупная роса, холодно отблескивающая в лунном свете. Где-то далеко тоскливо подвывала бродячая собака... (И откуда только взялась?!)...

«Свежий воздух» действительно оживил раскисшего наркодельца (как помнит читатель – полугололого). Он подобрался, выпрямился (насколько позволяли скованные руки). Глубоко вздохнул и окинул нас уже осмысленным, враждебным взглядом.

– Суки фээсбэшные! – сипло выдал Ахмат. – Думаете, ваша взяла? Ошибаетесь, козлы! Я с моими связями и не таких, как вы, в стойло ставил! Через пару дней... О нет!!! Не надо!!! – Глаза Назарбекова вдруг дико выпучились, уставились в пустоту. Побелев, как простыня, он попятился назад.

Пентоналовый озноб резко усилился, превратившись в судорожную тряску. Штаны «крутого со связями» заметно намокли спереди.

– Призраки увидел! – шепнул Середа. – Я ж тебе говорил, а ты не верил!

– Глупости! – отмахнулся я. – Не может...

– Три черных быка! С перерезанными глотками! – прервал меня истошный вопль Ахмата. – Они возникли из ни-

чего! Рычат по-львиному, бьют копытами... Х-р-р-р! – Тут он согнулся в дугу, словно получил сильнейший удар в живот.

В висках у меня закололи ледяные иголки. Воздух как бы напрягся, сделался густым, тлетворным. Стало трудно дышать. Я размашисто перекрестился. Игорь последовал моему примеру. «Скотобойня построена на фундаменте разрушенной церкви. Чудовищное кощунство! Именно оно в конечном счете погубило эту деревню!.. А теперь в скотобойне гнездится нечисть. Под видом призраков парнокопытных! Ахмат – нехристь, наркоторговец, изменник Родины, по уши в невинной крови... Легкая добыча для бесов! Сейчас они утопят насмерть Юнусыча, а начальство спросит с нас! Дескать, перестарались с рукоприкладством. Оборвали важнейшую нить, ведущую к высокопоставленным мерзавцам. Без Назарбекова тех гадов будет трудно прищучить!!!» – молнией пронеслось в мыслях.

Фигурант между тем получил новый удар бесовским копытом (на сей раз по почкам). Рухнул в грязь и заорал дурниной.

– Господи Иисусе! Прогони нечистых духов! – громко взмолился я.

– Пресвятая Богородица, помоги!!! – вторил мне Середа. Колотье в висках мгновенно прекратилось. Напряжение в воздухе спало. Он снова стал обычным, без привкуса падали. «Убрались в ад, проклятые!» – сердцем почувал я, облег-

ченно вздохнул и обернулся к стонущему Ахмату. – Успокойся, басурман. Опасность для тебя миновала... По крайней мере пока...

– Ты еще видишь черных быков? – спросил задержанного Игорь.

Назарбеков воровато зыркнул по сторонам.

– Н-нет, п-пропали, – вздрагивая губами, сообщил он. – А что... что это было?!!

С неба донесся хорошо знакомый звук, и вскоре зашумела лопастью снижающаяся «вертушка».

– Карета подана, вставай, – не удостоив наркодельца ответом, я потянул за цепочку наручников. – Хватит принимать грязевые ванны. Тебя ждут не дождутся на Лукьянке!..

Глава VI

– Сеньор Гуано рассчитал очень хитро. Мы отправимся к Назарбекову без подкрепления. (Чего беспокоиться из-за двух-трех охранников?!) Нарвемся на засаду, а в боестолкновении погибнут все: и мы, и назарбековские нукеры. Самого же Ахмата арестует ФСБ за убийство двух старших офицеров Конторы. В итоге Левитан останется у него... Надо отдать должное – гнилое чмо быстро сориентировалось в ситуации. Недоценили мы его. Ох, недоценили! – Приспустив боковое стекло, Игорь выбросил окурок наружу.

– Ты же чувствовал неладное с самого начала, – выехав с проселка и до предела увеличив скорость, заметил я.

Разбрызгивая лужи, джип понесся по направлению к Халывниково. По обеим сторонам шоссе замелькали, как в калейдоскопе, указатели, придорожные кафешки, магазинчики, бензозаправки... Встречных и попутных машин попадалось мало. А гаишников вовсе видно не было. Очевидно, отдыхали в будках после ночной охоты.

– Чувствовал-то чувствовал, но ничего конкретного, – вздохнул Середа и неожиданно встрепенулся. – Слушай, Дима, а не тот ли он маньяк?!!

– Кто, Гомолов? – я с трудом подавил зевок.

– Ага! – Зеленые глаза полковника хищно заблестели. – Суди сам: «Хитер, изобретателен, легко втирается к людям

в доверие». Первые два пункта в комментариях уже не нужны, а третий... Гм! Невзирая на резко негативное отношение, мы все же поверили убудку! Идем далее – «Хорошо знаком с родителями жертв, является частым гостем в их домах»...

Гомолов ездит в «Платиновый» как на работу, тесно общается со множеством его жителей и спокойно может сделать слепки с дверных ключей... «Образование высшее или незаконченное высшее, интеллект средний». Вспомни, **КАК** он учился в университете!.. «По характеру самонадеян, самовлюблен, тщеславен, горделив, крайне злопамятен и в глубине души отъявленный трус». Здесь, пожалуй, комментарии излишни.

– Погоди-ка, погоди! – страхнул сонливость я. – Насчет трусости – согласен. Злопамятность – видно из досье. Самонадеянность – доказали недавние события. Гордыня тоже присутствует, да еще какая! Однако схожими качествами (кроме трусости) обладает месье Назарбеков: наркоторговец, предатель, убийца, но... не сексуальный маньяк!

– Крайне невоздержан в еде, питье и других плотских удовольствиях. Считает себя гением, которому дозволено все, – парировал Середа и добавил: – Ахмат убежден, что Гомолов – пидор. А все серийные убийцы (как тебе известно) вышли из среды так называемых секс-меньшинств, за права коих неустанно борется Запад и наша «пятая колонна».

Например, Жиль де Ре – педераст с юных лет, Голов-

кин тоже, Чикатило – «двустволка», Сударушкин – педофил, Михасевич – безудержный онанист и т. д. и т. п. Наконец, штрихкод! (Прообраз антихристовой печати.) Последние исследования показали – подобные типы поголовно одержимы дьяволом!

– Гомолов одержимый? – усомнился я. – А где доказательствва?!

– Вспышки бешенства по пустякам!

– Не факт. Мало ли... К тому же подозрения Ахмата насчет педерастии... – Я замолчал, подыскивая нужные слова.

– Ну хорошо, приведу другие аргументы, – Игорь закурил новую сигарету. – Гомолов торговал краденными из церкви иконами. В таких уродах бесы вселяются беспрепятственно. Так же, как в церковных воров... В молодости – регулярные выигрыши на бегах. Кто ему помогал? Ясно, не Ангел-Хранитель!.. Теперь скоропалительно начатый и слишком затянувшийся ремонт. Особняк насквозь провонял краской, заглушающей **любые** запахи. В том числе трупные...

– В том, что маньяк – Ахмат, мы тоже не сомневались, – вздохнул я. – Обосновали, подвели базу, сравнили с Жилем де Ре, убедили себя в их сходстве и... угодили пальцем в небо! Чечен оказался преступником иного рода, хотя и о-о-очень большим! Но если отбросить громадную пользу от его поимки, то получается – нас элементарно обманул гондон-Гомолов, чтобы обстряпать свои грязные делишки. А толчком к вышеуказанным «обоснованиям» стала грамот-

ная, ненавязчивая, вовремя подsunутая ложь этого говнюка – «Слышал детский крик». А сейчас, как мне кажется, тобой движет злость за подлюю подставу.

– Возможно, – согласился Середа. – И тем не менее в чем-то он виновен. По-крупному! Голову даю на отсечение! Давай так: приедем к нему, жестко прессанем, а дальше... видно будет!

– Договорились. – Перескочив железнодорожный переезд, я значительно снизил скорость. – Кстати, о затянувшемся ремонте! Здесь, по-моему, есть рациональное зерно. Уж чересчур внезапно и бесследно исчезли его жена с сыном!

– То-то и оно, – покивал Игорь. – То-то и оно...

Элитная часть Халявниково мирно спала. В громадинах особняков не светило ни одно окно. Кое-где за заборами вяло брехали собаки. Луна окончательно съежилась под бурным натиском наступающего рассвета. Из-под колес машины веерами летела грязь...

Я не спеша свернул к гомоловской усадьбе и... обомлел. Ворота были распахнуты настежь. Обычно стоявший во дворе «Чероки» исчез. В окне четвертого этажа горел яркий свет. А на крыльце валялся труп одного из молдаван. Почти обезглавленный. С застывшим на губах беззвучным криком.

– Скорее туда! – Схватив «Вал», Игорь выпрыгнул из машины и побежал к дому. Взяв второй автомат, я устремился за ним. Следующий гастарбайтер лежал в вестибюле в луже крови с надрубленной шеей. «Чечены проснулись рань-

ше срока?! Да нет, чепуха, препарат сверхнадежен!.. Или они все-таки успели вызвать подмогу? Тогда Вадимыч попал в заложники. Будут требовать обмена, высылая видеозаписи рыдающего Гомолова с разбитой рожей... Левое ухо, правое, пальцы один за другим... Н-да, веселенькая перспектива! Назарбекова отдавать нельзя, а паскудного антиквара вызволять придется. Мы – русские офицеры – принимали присягу и должны защищать **всех** граждан России. Даже такое гуано!!!» На площадке между третьим и четвертым этажом я едва не споткнулся о последнего молдаванина с расколотым на две половинки черепом. «У всех трех похожие раны, как... от ударов туристическим топориком, – вдруг сообразил я и быстро прокрутил в памяти наработки следственной бригады ГУВД. – Точно так же убили горничную в одном из домов «Платинового города». Ага-а-а! Дело принимает интересный оборот!..»

– Дмитрий, сюда! – услышал я громкий голос Середы. – Здесь он... наш злодей!

Гомолов находился в мастерской, куда мы раньше никогда не заглядывали. В полу торчал железный, надежно закрепленный кол: острый, обильно смазанный машинным маслом и залитый жидким калом. В двух сантиметрах (задницей от острия) на медленно тлеющем толстом канате был подвешен за туловище Сергей Вадимович. С искаженной ужасом физиономией, без штанов, скрюченный, умело связанный, с заткнутым кляпом ртом. На шее у него болталась табличка с над-

писью. Он утробно мычал, плакал и, как водится, извергал дерьмо. Вонь в мастерской стояла невыносимая.

– Канат будет тлеть еще минут восемь. Потом оборвется, и Гомолов усядется прямиком на кол, – тихо сказал Игорь.

Завидев нас, антиквар вздрогнул, побелел и дико выпучил глаза, словно встретил выходцев из могилы.

«Думал, мы уже на Том Свете, вошь лобковая!» – зло подумал я и шагнул к Гомолову с намерением убрать кол.

– Погоди-ка, – придержал меня за рукав Середа. – Ознакомимся сперва с надписью на табличке, а потом полюбуемся, – он указал на левую от входа стену.

– Грязная шлюха, – прочел я, проследовал взглядом за рукой напарника и увидел две написанные маслом картины с крупными заголовками вверху каждой. Первая называлась «Время умирать» и изображала обнаженного, связанного, зверски истерзанного малыша лет восьми. Над ним нависла широкая черная фигура в маске с окровавленным ножом и с торчащим, напряженным пенисом. На спине у нелюдя пестрели крохотные разноцветные буквы. «Из всех существующих наслаждений нашему миру досталась лишь одна маленькая искорка, так называемый «Нэр дакик». Присутствие ее в материальных предметах дает нам удовольствие. При чем в течение жизни человек вынужден постоянно искать новые и новые объекты, надеясь получить бóльшие и бóльшие удовольствия» – присмотревшись, разобрал я.

Второй «шедевр», под названием «Гению дозволено

все!!!», запечатлел самого Сергея Вадимовича: голого, с бесстыдно выпяченным задом, к которому пристраивался тот же «черный». На сей раз без маски, с хорошо знакомой рожей. И Гомолов, и Бахтияр жевали кровоточащие куски мяса, вырывая их из миниатюрных детских трупиков.

– Па-анятно! – я выдернул у антиквара кляп и угрюмо произнес. – Стало быть, вы оба маньяки-убийцы. Редкий случай, но не уникальный. Особенно в последние годы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.